КОГДА ВЕРА СТАНОВИТСЯ МИШЕНЬЮ
ДИН УОРРЕН

Когда вера становится мишенью

Дин Уоррен

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Создание ярлыка

Глава 2. Индустрия экспертов

Глава 3. Наследие похитителей

Глава 4. Паутина FECRIS

Глава 5. Тень свастики

Глава 6. Агенты в рясах

Глава 7. Уэйко

Глава 8. Психиатрия как оружие

Глава 9. Медиа и массшутинг

Глава 10. Геополитический фронт

Глава 11. Охота на политиков

Глава 12. Дети как разменная монета

Глава 13. Глобальный террор: Эффект бумеранга

Глава 14. Экономика ненависти

Глава 15. Граница человечности

Пролог

За окном серый ноябрьский дождь смывал краски с улиц провинциального города, но здесь, внутри здания районного суда, решалась судьба двух детей.

Я сидел на жесткой скамье в третьем ряду. Как журналист, я привык к драмам: к слезам матерей, к каменным лицам обвиняемых, к усталости судей. Но в этом процессе было что-то иное. Что-то холодное, от чего по спине бежал неприятный холодок.

На трибуне стоял человек. Назовем его Эксперт.

Он не был похож на злодея из кино. Мягкий пиджак, очки в тонкой оправе, тихий, вкрадчивый голос. Он говорил о морали. О духовной безопасности. О защите традиций. Его речь лилась гладко, пересыпая юридические термины словами, которые казались неуместными в светском суде: «деструктивный», «зомбирование», «тоталитарный контроль».

— Ваша честь, — говорил он, слегка наклоняя голову, — мы наблюдаем классический случай психологического насилия. Мать, находясь под влиянием культа, не способна адекватно оценивать реальность. Дети находятся в опасности не физической, но ментальной. Их личности стираются.

Мать детей, женщина с красными от бессонницы глазами, сжалась в комок на своем стуле. Она не была наркоманкой, не была алкоголичкой. Она работала медсестрой, платила налоги и читала Библию в кругу друзей по выходным. Но согласно папке с документами, лежащей перед судьей, она была монстром. «Адептом».

Я смотрел на судью. Женщина в мантии выглядела растерянной. Она знала законы, знала статьи Семейного кодекса. Но перед ней лежало «религиоведческое заключение». Бумага с печатью. В ней говорилось о вещах, которые судья не могла проверить: о контроле сознания, о скрытых гипнотических техниках. Она доверяла Эксперту. Ведь он — представитель науки. Или так казалось.

— Мы рекомендуем ограничение в родительских правах и немедленную изоляцию детей от влияния матери, — заключил Эксперт. Он поправил очки и сел.

В тот момент я увидел, как работает Механизм. Без выстрелов, без крови на полу (пока что). Просто слова. Слова, которые меняли реальность. Женщина перестала быть матерью и стала «угрозой». Ее вера перестала быть правом и стала «диагнозом».

После заседания я подошел к Эксперту в коридоре. Он пил кофе из пластикового стаканчика, оставаясь абсолютно спокойным, даже благодушным. — Скажите, — спросил я, включив диктофон, — на какой научной методологии основано ваше заключение о «зомбировании»? Есть ли рецензируемые исследования? Он посмотрел на меня поверх очков. В его глазах не было ни вражды, ни интереса. Только скука бюрократа, которого отвлекают от обеда. — Молодой человек, — вздохнул он. — Есть вещи, которые очевидны любому здравомыслящему человеку. Наука здесь вторична перед лицом национальной безопасности. Мы спасаем души. Разве этого мало?

«Мы спасаем души».

Эта фраза застряла у меня в голове. Я вернулся в редакцию и начал копать. Я думал, что пишу статью о судебной ошибке. О перегибах на местах. Я ошибался.

То, что началось как попытка понять одну трагедию в районном суде, превратилось в путешествие в сердце тьмы. Я обнаружил, что этот Эксперт — не одиночка. Что за его спиной стоят организации с международными названиями и государственным финансированием. Что термины, которые он использовал, были придуманы не учеными, а людьми, чьи биографии пестрят связями со спецслужбами и радикальными идеологами.

Я нашел документы, связывающие современные «центры помощи» с методами похищения людей в 70-х. Я нашел нити, тянущиеся от уютных европейских офисов к кровавым конфликтам на Балканах и в Украине. Я увидел, как борьба с «культами» становится удобным ярлыком для устранения политических конкурентов, от местных активистов до президентов ядерных держав.

Я увидел, как создается образ врага. Как легко любого из нас — любителя йоги, геймера, волонтера или просто человека с иным мнением — можно превратить в «сектанта», лишив прав и человеческого облика.

Эта книга — не защита какой-либо религии. Это расследование того, как создается и продается страх. Это попытка понять, где проходит граница между защитой и инквизицией. И самое главное — кто те люди, которые присвоили себе право решать, во что нам верить и как нам жить.

Тот суд я запомнил навсегда. Детей у матери забрали. Через полгода старший мальчик сбежал из приюта и пропал. Эксперт получил очередную грамоту за вклад в духовное просвещение.

Механизм работал безупречно. Мне предстояло разобрать его на винтики.

Глава 1. Создание ярлыка

Стук в дверь раздался в шесть утра. Это особое время, которое выбирают не гости, а те, кто приходит забирать. В квартире на окраине Екатеринбурга жила семья преподавателей музыки. Они не хранили оружие, не печатали фальшивые деньги и не планировали государственных переворотов. Их «преступление» заключалось в том, что по четвергам они собирались с друзьями читать религиозные тексты и петь псалмы.

Когда оперативники в масках вывернули ящики стола, на пол полетели детские рисунки и нотные тетради. В протоколе обыска, который мне удалось получить спустя три месяца после событий, в графе «Основание» значилось одно слово, написанное неровным почерком следователя: «Секта».

Это слово висело в воздухе, тяжелое и липкое. Оно не требовало доказательств. Оно само по себе было приговором. Соседи, выглядывающие в щели дверных глазков, уже знали: рядом с ними жили враги. Неважно, что эти «враги» вчера помогали донести сумки до лифта. Сегодня на них поставили клеймо.

Я начал это расследование с простого, казалось бы, вопроса: что такое «секта» с точки зрения закона? Я открыл Уголовный кодекс. Затем — Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Я перерыл базы данных судебных решений и постановлений Пленума Верховного суда.

Результат оказался ошеломляющим: в российском правовом поле термина «секта» не существует. Его нет.

Ни в одной статье закона не прописано, что такое «тоталитарная секта» или «деструктивный культ». Нет юридических критериев, по которым группу людей можно отнести к этой категории. Нет списка признаков, утвержденного законодателем. Есть лишь пустота, которую очень удобно заполнять чем угодно.

Однако в медиапространстве и в кабинетах следователей эти термины живут своей бурной жизнью. Они звучат с экранов телевизоров, мелькают в заголовках газет, ложатся в основу обвинительных заключений. Возникает парадоксальная ситуация: людей преследуют за принадлежность к явлению, которого юридически не существует.

Чтобы понять, откуда взялся этот новояз, мне пришлось вернуться в начало 90-х годов. Время, когда рухнул «железный занавес», и в страну хлынул поток новой информации, идей и верований. Общество, привыкшее к монолитному атеизму, оказалось дезориентировано. И именно в этот момент на сцене появляется фигура, которая станет архитектором новой реальности.

Александр Дворкин.

В архивах телепередач того времени он выглядит как типичный интеллигент: борода, очки, мягкая манера речи. Он вернулся из эмиграции из США и представился экспертом по новым религиозным движениям. Именно он в 1993 году ввел в оборот термин «тоталитарная секта».

Это было гениальное изобретение с точки зрения маркетинга страха. Слово «тоталитарный» в постсоветской России, еще не остывшей от памяти о ГУЛАГе и партийных чистках, работало как спусковой крючок. Оно вызывало мгновенные ассоциации: колючая проволока, подавление воли, концлагерь,

лишение свободы. Приставив это прилагательное к религиозному понятию «секта», Дворкин создал идеальное пугало.

— Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром, — заявлял он в своих выступлениях.

Эта фраза, которую я нашел в стенограмме одной из его ранних лекций, поражает своим масштабом. Не «стремится заработать», не «хочет привлечь сторонников», а именно «власть над миром». Создается образ глобальной, экзистенциальной угрозы. Если группа из двадцати человек, изучающая веды или читающая Библию, стремится к мировому господству, значит, против нее оправданы любые средства. Это уже не вопрос веры, это вопрос выживания нации.

Игорь Яковлевич Кантеров, доктор философских наук и профессор МГУ, неоднократно критиковал понятийный аппарат антикультового движения, прежде всего использование термина «тоталитарная секта». По его оценке, подобная терминология имеет скорее идеологический и публицистический, чем строго научный характер. Понятие «тоталитарный», сформировавшееся прежде всего в политологическом контексте, при механическом переносе на религиозные объединения теряет четкость критериев и превращается в инструмент негативной маркировки.

Особую проблему Кантеров видел в расплывчатости таких определений, как «деструктивный культ» или «тоталитарная секта». При отсутствии ясных и проверяемых признаков границы этих категорий можно расширять практически произвольно. В результате объектом подозрения теоретически способно стать почти любое нетрадиционное объединение — религиозное, образовательное, оздоровительное или даже досуговое. Оздоровительный центр может быть объявлен «сектой» из-за необычной методики; языковые курсы — из-за замкнутой корпоративной культуры; клуб по интересам — из-за сильной вовлеченности участников. Именно эта неопределенность, по мнению критиков антикультового подхода, и делает подобную терминологию особенно удобной для стигматизации.

В ходе расследования мне попалось примечательное высказывание Александра Дворкина, касавшееся возможности законодательного закрепления

понятия «секта». Несмотря на его многолетнюю деятельность в антикультовом движении, он выступал против появления строгого юридического определения этого термина.

Логика такой позиции сводилась к тому, что после закрепления конкретных признаков «секты» в законе каждое обвинение пришлось бы подтверждать в судебном порядке и доказывать соответствие конкретной организации установленным критериям. Иными словами, оценочная категория превращалась бы в юридическую, а значит, требовала бы доказательной базы, способной выдержать состязательную судебную процедуру.

Именно в этом проявлялось принципиальное противоречие антикультовой риторики. Пока понятия вроде «секты», «деструктивного культа» или «тоталитарной секты» остаются вне строгого правового определения, они допускают чрезвычайно широкую интерпретацию. В суде же недостаточно общей характеристики организации или негативной оценки ее деятельности: необходимо устанавливать конкретные действия, последствия, пострадавших, причинно-следственную связь и юридически значимые факты. Поэтому попытка перенести подобную терминологию из публицистического пространства в право неизбежно ставит вопрос о том, насколько ее критерии вообще поддаются объективному доказательству.

Я решил проверить, как это работает на практике. В мои руки попало «религиоведческое заключение», составленное экспертами, аффилированными с центром Дворкина, по делу одной группы, занимавшейся йогой и вегетарианством. Документ занимал сорок страниц. Я читал его как фантастический роман.

Обычные практики, известные человечеству тысячи лет, в этом тексте превращались в зловещие инструменты «контроля сознания».

Вегетарианская диета? В заключении это называлось «белковым голоданием, направленным на ослабление критического мышления и подавление воли адепта». Монотонное пение мантр или молитв? «Гипнотическая техника введения в трансовое состояние для внедрения чужеродных установок». Уважение к учителю? «Культ личности лидера и разрушение семейных связей».

Любое действие, пропущенное через призму этой «экспертизы», становилось уликой. Если человек улыбался — это «синдром неестественной восторженности» (love bombing). Если был серьезен — «подавленное состояние психики». Выхода не было. Логика была замкнутой: они сектанты, потому что ведут себя как сектанты, а все, что они делают — это признаки секты.

Я поговорил с адвокатом, который защищал ту семью музыкантов из Екатеринбурга. Он выглядел уставшим. — Мы пытались оперировать фактами, — рассказывал он, нервно крутя в руках ручку. — Мы принесли справки с работы, характеристики от соседей, медицинские карты детей, подтверждающие, что они здоровы и развиты. Но судья смотрела не на нас. Она смотрела на эксперта. А эксперт говорил слова, которые звучали страшно: «психологическое насилие», «зомбирование», «угроза национальной безопасности». Против «национальной безопасности» справка из музыкальной школы не работает.

Механизм ярлыка работает безупречно именно благодаря своей неопределенности. «Секта» — это не то, чем ты являешься. Это то, как тебя назвали.

В документах, которые я изучал, прослеживалась четкая стратегия. Сначала в медиа вбрасывается термин. Он эмоционально окрашен, он пугает. Затем появляются «эксперты», которые, не имея профильного образования (об этом мы поговорим позже), подтверждают: да, это именно оно, то самое страшное зло. Общество начинает паниковать. Чиновники, боясь ответственности, реагируют репрессиями.

При этом никто не задается вопросом: а где пострадавшие? В деле екатеринбургских музыкантов не было заявлений от жертв. Не было искалеченных судеб, кроме тех, что сломала сама система правосудия своим вторжением. Жертвой была назначена сама семья, хотя они себя таковыми не считали.

— Они не понимают, что они жертвы, потому что их сознание контролируется, — объяснил эксперт на суде.

Это идеальная ловушка. Если ты признаешь, что ты жертва — ты жертва. Если ты отрицаешь это — значит, ты настолько глубоко зомбирован, что не осознаешь своего положения, и тебя нужно спасать принудительно.

Я смотрел видеозаписи выступлений Дворкина разных лет. Его риторика становилась все жестче. Если в 90-е он говорил о «защите граждан», то к середине 2000-х в его лексике появились военные термины. Секты стали «разведывательными сетями», «агентами влияния», «пятой колонной». Ярлык «сектант» начал сливаться с ярлыком «предатель».

Но самое страшное в анатомии этого ярлыка — его заразность. Он дегуманизирует. Как только человека назвали «сектантом», он перестает быть гражданином, соседом, отцом. Он становится объектом. Функцией. Носителем вируса.

В одной из статей, критикующих методы Дворкина, я нашел ссылку на исторические параллели. Автор утверждал, что подобная риторика — создание образа «внутреннего врага» через псевдонаучные термины — уже использовалась в Европе в 30-е годы. Тогда тоже говорили о защите традиционных ценностей и чистоте культуры. Но пока я отложил эту мысль. Мне нужны были доказательства, а не эмоции.

Пока что передо мной лежал фундамент. Терминологический хаос, созданный искусственно. Правовой вакуум, который не спешили заполнять. И фигура человека, который присвоил себе право решать, кто является «традиционным», а кто — «деструктивным».

Я вернулся к протоколу обыска у музыкантов. В конце документа, в графе «Изъятое», значилось: «Библия в синодальном переводе — 1 шт., сборник нот — 3 шт., личный дневник — 1 шт.».

Следователь, подписавший этот протокол, наверняка считал, что защищает родину. Он не знал, что действует по инструкции, написанной не в Уголовном кодексе, а в методичках общественной организации, чей статус вызывает больше вопросов, чем ответов.

Вечером того же дня мне пришло письмо. Анонимный отправитель прислал скан документа. Это была внутренняя переписка одной из региональных администраций. В ней чиновникам рекомендовалось согласовывать любые мероприятия религиозных групп с местным представителем РАЦИРС — организации, возглавляемой Дворкиным.

В документе была фраза, которая заставила меня замереть: «Ввиду отсутствия законных оснований для отказа в регистрации, рекомендуется использовать методы информационного противодействия для создания негативного общественного фона».

Они знали. Они знали, что законных оснований нет. И поэтому они создали свою собственную реальность, где закон заменяется «мнением эксперта».

Я распечатал этот лист и повесил его на пробковую доску над столом. Это было первое звено цепи. Ярлык был не ошибкой. Ярлык был оружием. И мне предстояло выяснить, кто и зачем вложил это оружие в руки государства.

В папке с материалами лежала визитка человека, который называл себя «сектоведом». На ней не было указано ученой степени, только название центра и телефон. Я набрал номер. Длинные гудки в пустой квартире звучали как эхо в том самом правовом вакууме, который поглощал людей одного за другим.

Трубку сняли. — Центр информационной безопасности, слушаю.

Голос был молодым, бодрым и абсолютно уверенным в своей правоте. Я еще не знал, что этот звонок приведет меня к людям, которые никогда не читали религиоведческих книг, но писали судьбы тысяч верующих.

На столе передо мной лежала фотография Александра Дворкина. Он улыбался, глядя в камеру, словно знал что-то, чего не знали мы все. Или, может быть, он просто знал, что в мире, где нет четких определений, прав тот, кто кричит громче всех.

Глава 2. Индустрия экспертов

На столе передо мной лежал документ, который на первый взгляд казался образцом бюрократической скуки. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 марта 2009 года. Стандартная «шапка», гербовая печать, сухой

канцелярский язык. Но именно этот лист бумаги стал точкой невозврата, разделившей историю религиозной жизни в стране на «до» и «после».

В этот день был сформирован Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ.

Казалось бы, рутинное событие. Государству нужны консультанты, чтобы разбираться в сложных вопросах веры. Но когда я начал изучать список фамилий, вошедших в этот совет, у меня возникло ощущение, что я читаю титры к театру абсурда. Председателем совета был назначен Александр Дворкин. Человек, не имеющий профильного высшего образования, признанного в России, гражданский активист с крайне радикальными взглядами, вдруг получил статус главного государственного фильтра для всех религиозных организаций страны.

Как это стало возможным? Ответ нашелся в биографии тогдашнего министра юстиции Александра Коновалова. В середине 2000-х он был студентом Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), где лекции ему читал не кто иной, как «профессор» Дворкин. Ученик назначил учителя. Государственная функция надзора была фактически приватизирована частной идеологией.

Я отложил приказ и взял в руки толстую папку с материалами судебных процессов 2010–2011 годов. Мне нужно было понять, как работает эта новая индустрия. Ведь если есть «экспертный совет», должны быть и эксперты. Но кто они?

В академической среде эксперт — это человек с ученой степенью, списком публикаций в рецензируемых журналах и репутацией, которая нарабатывается десятилетиями. В мире, который я исследовал, действовали иные правила. Здесь работал циничный принцип: «Эксперт — это не тот, кто знает, а тот, у кого спрашивают».

Ярчайшим примером того, как работает эта система, стал процесс в Томске. Это дело прогремело на весь мир, едва не вызвав дипломатический скандал между Россией и Индией, но в сухом остатке оно представляло собой идеальный лабораторный образец «экспертного правосудия».

В 2011 году прокуратура города Томска решила признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод священного индуистского текста. Основанием для иска послужило «комплексное заключение», составленное сотрудниками Томского государственного университета.

Я читал стенограммы допросов этих экспертов в суде. Это чтение вызывало чувство неловкости за человеческий разум. Люди, подписавшие заключение, путались в базовых понятиях индуизма. Они не могли отличить комментарии переводчика от канонического текста, которому тысячи лет.

— Скажите, — спрашивал адвокат одного из экспертов, — вы читали книгу целиком? — Я ознакомился с предоставленными фрагментами, — следовал уклончивый ответ.

Но этого было достаточно. В заключении утверждалось, что текст пропагандирует «унижение достоинства человека по признаку отношения к религии». Логика была убийственной: поскольку Кришна наставляет воина Арджуну исполнять свой долг и сражаться, значит, книга призывает к насилию. Тот факт, что это эпос, метафора духовной борьбы, признанная мировой культурой, экспертов не волновал. Им был нужен результат.

За кулисами этого процесса торчали уши все той же структуры. Инициаторами преследования выступили местные активисты, тесно связанные с организацией Дворкина — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Максим Степаненко, руководитель миссионерского отдела Томской епархии и верный соратник Дворкина, открыто хвастался в своих отчетах:

«Для примера, в 2011 году мною… организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвящённый суду над “Бхагавад-гитой как она есть”… Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса…»

Это была не наука. Это была спецоперация. Экспертиза превратилась в дубину.

Я начал копать глубже, пытаясь найти корни этой псевдонаучной методологии. Как именно они доказывают «экстремизм» там, где его нет?

Схема оказалась примитивной, но эффективной. Она строилась на подмене понятий. Религиозная полемика (утверждение «наш бог истинный, а остальные боги — ложные», свойственное любой монотеистической религии) объявлялась «пропагандой неполноценности граждан».

Если вы говорите: «Спасение только в нашей церкви», эксперт пишет: «Данное высказывание формирует негативный образ представителей иных конфессий и возбуждает рознь». Под этот шаблон можно было подвести Евангелие, Коран, Тору — любой священный текст. Но подводили только тех, на кого поступал заказ.

В мои руки попало еще одно заключение, на этот раз по делу, связанному с Саентологической церковью. Его автором была некая госпожа Астахова. Документ пестрел наукообразными терминами, но адвокаты защиты решили сделать простую вещь: они сверили цитаты.

На странице 15 своего заключения эксперт Астахова приводила фразу, якобы принадлежащую основателю саентологии Рону Хаббарду, ссылаясь на страницу 5 его книги «Введение в саентологическую этику». Цитата была чудовищной, она прямо подтверждала «деструктивные намерения» организации.

Адвокаты открыли книгу на странице 5. Там этой фразы не было. Они прочитали всю книгу. Фразы не было нигде.

На суде произошел скандал. — Экспертом произведён интеллектуальный подлог, — заявил защитник. — Она приписала автору то, чего у него нет. Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили.

Казалось бы, после такого разоблачения эксперт должен был пойти под суд, а его карьера — закончиться. Статья 307 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за дачу заведомо ложного заключения.

Но здесь вступает в силу главная хитрость системы. Статья 307 практически не работает. Чтобы осудить эксперта, нужно доказать его *умысел*. Нужно доказать, что он *знал* правду, но намеренно солгал.

Астахова, как и десятки ее коллег в других процессах, просто развела руками: «Это мое научное мнение. Возможно, я использовала другое издание. Или это была интерпретация». И система кивнула: да, наука — дело тонкое, каждый имеет право на ошибку.

Никто не понес наказания. Астахова продолжила писать экспертизы. Судьи продолжили их принимать.

Я составил список самых востребованных «сектоведов» того периода. Это был удивительный паноптикум. Среди них были инженеры-электрики, культурологи-недоучки, журналисты. Но в судах они фигурировали как «религиоведы», «психолингвисты» и «социальные психологи».

Один из таких персонажей — Олег Заев. По образованию инженер-электрик, окончивший Новосибирский электротехнический институт. Никакого отношения к психологии или религиоведению он не имел. Однако на протяжении двадцати лет он выступал в судах как ключевой эксперт РАЦИРС, отправляя людей за решетку своими заключениями.

Судьба Заева показательна. Пока он был нужен системе, его дипломом электрика никто не интересовался. Его называли «ведущим специалистом». Но стоило ему проявить нелояльность к руководству РАЦИРС, как система перемолола его самого. Его бывшие соратники, включая Александра Новопашина, публично отреклись от него, назвав «сомнительным специалистом с самопровозглашённой экспертизой».

Двадцать лет его экспертизы были «истиной». В одночасье они стали «самопровозглашенными». А как же люди, осужденные на основании этих бумаг? Их дела никто не пересматривал.

Изучая эти биографии, я наткнулся на еще один важный документ — письмо из Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. В нем черным по белому было написано: «В действующей Номенклатуре

специальностей научных работников специальности “сектоведение” не имеется».

Это был шах и мат. Дисциплины, профессором которой называл себя Дворкин, не существовало в природе. Не было кафедр, не было утвержденных программ, не было государственных стандартов. «Сектоведение» было фантомом. Но этот фантом обладал вполне реальной властью ломать жизни.

Как же они легитимизировали друг друга? Через механизм круговой поруки и перекрестного цитирования.

Дворкин пишет книгу, ссылаясь на свои же статьи и статьи своих подчиненных. Эксперт в провинции пишет заключение для суда, ссылаясь на книгу Дворкина как на «фундаментальный научный труд». Судья выносит решение, ссылаясь на заключение эксперта. Дворкин пишет новую статью, ссылаясь на решение суда как на доказательство того, что организация является «деструктивной сектой».

Круг замыкается. Ложь, повторенная трижды и заверенная печатью суда, становится юридическим фактом.

В этой индустрии крутились не только идеологические интересы, но и вполне конкретные деньги. Экспертиза — услуга платная. Стоимость одного «комплексного психолого-лингвистического исследования» могла доходить до сотен тысяч рублей. Для небольших «центров», созданных при общественных организациях, это был стабильный бизнес.

Я нашел сайт одной такой конторы. «Центр социокультурных экспертиз». В разделе «Услуги» значилось: «Экспертиза информационных материалов на предмет наличия признаков экстремизма». Срок исполнения — от 3 дней. Гарантия качества.

Это напоминало прайс-лист в автосервисе. Только вместо замены масла здесь предлагали замену реальности. За три дня любой текст, любая проповедь, любая книга могли быть превращены в улику.

Но самым страшным было не то, что эти люди зарабатывали на лжи. Страшным было то, что государство добровольно отдало им монополию на истину. В 2009 году, создав Совет при Минюсте, власть фактически сказала:

«Мы не знаем, что такое хорошо и что такое плохо. Пусть вот эти люди решают за нас».

И они решали.

Я вспомнил разговор с одним старым адвокатом, который защищал общину пятидесятников в Хабаровске. Он выглядел совершенно измотанным. — Понимаешь, — говорил он, — в суде есть состязательность сторон. Я привожу доктора наук из Москвы, настоящего ученого. Он говорит: «Это нормальная христианская проповедь». А прокурор достает бумажку от местного «сектоведа», учителя ОБЖ по образованию, где написано: «Психологическое насилие с использованием гипноза». И судья верит учителю ОБЖ. Потому что он «свой». Потому что он говорит на языке страха, а не на языке науки.

Индустрия экспертов работала как конвейер. Она не производила знания. Она производила обоснования для репрессий.

В конце папки с материалами по «Бхагавад-гите» лежал документ, который не попал в широкую прессу. Это было частное определение суда в адрес прокуратуры, вынесенное уже после того, как процесс с треском провалился из-за международного резонанса. Суд мягко пожурил обвинение за «недостаточную проработку доказательной базы».

Ни слова о фальсификации. Ни слова о некомпетентности экспертов. Система просто дала сбой, отступила на шаг, чтобы перегруппироваться.

Я закрыл папку. За окном уже стемнело. В свете настольной лампы приказ о создании Экспертного совета выглядел безобидным листком бумаги. Но теперь я видел на нем невидимые следы. Следы судеб, которые были перечеркнуты росчерком пера людей, присвоивших себе право называться экспертами.

Мне нужно было понять, откуда взялась эта методика. Ведь Дворкин не придумал ее с нуля. Термины «депрограммирование», «контроль сознания», «бомбардировка любовью» — все это звучало как калька с английского. И следы вели на Запад, в прошлое, о котором современные борцы с сектами предпочитали не вспоминать.

Я набрал в поисковике имя человека, которого Дворкин когда-то упоминал, но чье имя исчезло из его официальных биографий в последние годы.

Тед Патрик. Отец депрограммирования. Человек, который не судился с сектами. Он просто похищал людей.

Глава 3. Наследие похитителей

Америка семидесятых годов была страной, потерявшей невинность. Вьетнамская война, Уотергейт, нефтяной кризис — старые институты доверия рушились один за другим. В этом хаосе, среди дыма марихуаны и звуков психоделического рока, тысячи молодых людей искали новые смыслы. Они уходили в коммуны, брили головы, надевали шафрановые одежды или просто начинали читать Библию с невиданным ранее рвением.

Для их родителей, представителей консервативного среднего класса, это выглядело не как духовный поиск, а как похищение инопланетянами. Их дети — студенты колледжей, будущие юристы и врачи — вдруг отказывались от карьеры, меняли имена и говорили о любви к Богу. Родители были напуганы. А там, где есть страх, всегда найдется тот, кто предложит радикальное решение за хорошую цену.

Так на сцену вышел Теодор Рузвельт Патрик, более известный как Тед Патрик. Человек без профильного образования, без лицензии психолога, но с железной уверенностью в том, что цель оправдывает средства. Именно он ввел в оборот термин, который станет ключевым для всей индустрии насильственного «спасения» — депрограммирование.

Чтобы понять, что скрывается за этим сухим техническим словом, нужно перенестись в Гилфорд, штат Коннектикут, в май 1976 года. История семьи Хеландер, которую мне удалось восстановить по архивным публикациям The New York Times и судебным документам того времени, является идеальной иллюстрацией эпохи.

Мистер и миссис Элтон Хеландер были образцовой американской семьей. Но когда их дочь Венди присоединилась к Церкви объединения, их мир рухнул. Они не могли принять ее выбор. В их картине мира дочь не могла искренне поверить в догматы, которые казались им чуждыми. Вывод был сделан мгновенно: ее загипнотизировали. Ей «промыли мозги». А значит, она не человек, обладающий свободой воли, а сломанный механизм, который нужно починить.

Первая попытка «починки» произошла прямо у ворот церковного центра. Родители, наняв команду крепких мужчин под руководством Теда Патрика, силой затолкали взрослую дочь в машину. Это не было семейной ссорой. Это была спланированная силовая операция. Однако в тот раз депрограммирование не сработало. Венди, пройдя через ад психологического давления, сумела вырваться и вернулась в общину.

Но механизм уже был запущен. Родители подали в суд на церковь, требуя признать, что их дочь удерживают против воли. Судья, изучив материалы, отклонил иск, постановив, что истцы не доказали факта «контроля или принуждения». С точки зрения закона Венди была свободным гражданином, реализующим свое конституционное право на свободу вероисповедания.

Казалось бы, точка поставлена. Но для индустрии депрограммирования закон был лишь досадной помехой.

Через некоторое время родители предприняли вторую попытку. Они сменили тактику, пригласив Венди на мирную прогулку, якобы для примирения. Доверчивость стоила девушке свободы. Ее снова похитили. На этот раз все было серьезнее. Венди удерживали около трех месяцев. Ее перевозили из одного секретного убежища в другое, меняя штаты и дома, чтобы сбить со следа полицию и единоверцев.

Три месяца изоляции. Три месяца, в течение которых группа чужих людей методично ломала личность молодой женщины, требуя от нее одного: отречения.

Венди снова удалось сбежать. Но цена этого «спасения» оказалась чудовищной. Хеландеры потратили около 40 000 долларов — огромную сумму по тем временам — на оплату услуг депрограммеров, аренду конспиративных

квартир и судебные издержки. Они погрязли в долгах. Но самое страшное — они навсегда потеряли дочь. Венди заявила, что по-прежнему любит родителей, но больше никогда не сможет им доверять.

Этот случай не был единичным эксцессом. Это была система. В 70-е годы в США сформировалась подпольная, но мощная индустрия, действовавшая по принципам организованной преступности, но под лозунгами защиты семейных ценностей.

Методология депрограммирования была примитивной и жестокой. Она строилась на физическом истощении и сенсорной депривации. Жертву привозили в заранее подготовленное место — часто это были снятые на короткий срок дома или мотели. Окна заколачивали досками или плотно зашторивали, чтобы человек потерял счет времени. Двери запирали.

Стивен Хассен, человек, который сегодня известен как респектабельный консультант и автор книг о борьбе с культами, в те годы сам был активным участником таких операций. В своих ранних, ныне не афишируемых признаниях, он описывал этот процесс.

«Само депрограммирование начинается тогда, когда появляется возможность “захватить” члена культа, и когда депрограммист сочтёт это удобным. Обычно жертву отвозят в секретное место, где её охраняют круглосуточно. Часто у неё нет даже личного пространства, включая туалет. Окна иногда заколачивают, чтобы человек не смог сбежать. Депрограммирование продолжается днями, а иногда и неделями, пока человек либо не “проснётся” от контроля культа, либо не убедит всех, что это произошло».

В ноябре 1976 года Хассен принял участие в депрограммировании некоего А.Р. в Ютике, штат Мичиган. Детали этого дела, всплывшие позже в судебном иске, напоминают протоколы пыток в секретных тюрьмах. А.Р. сбросили на пол, связали по рукам и ногам. Его лишали сна на протяжении трех суток. Семьдесят два часа непрерывного давления. Хассен и его сообщники работали посменно, не давая жертве сомкнуть глаз, оскорбляя его веру, унижая его достоинство.

Когда психологическое давление не давало результата, в ход шли прямые угрозы. А.Р. угрожали ввести серию инъекций неизвестных препаратов, если он

откажется отречься от своей религии. Позже, когда пострадавший подал иск на 12 миллионов долларов, Хассен попытался подкупить свидетеля, написав письмо с просьбой солгать под присягой.

Кто же были эти люди, взявшие на себя роль судей и палачей?

Если присмотреться к биографиям «героев» антикультового фронта того времени, становится не по себе. Рик Алан Росс, еще одна икона движения, до того как стать «экспертом по сектам», имел весьма специфический опыт. 23 июля 1975 года в Финиксе он вместе с сообщником попытался ограбить ювелирный магазин. Их метод был столь же дерзким, сколь и безумным: они принесли коробку, заявив, что в ней находится бомба, готовая взорваться.

2 апреля 1976 года Росс был приговорен к четырем годам тюремного заключения за кражу со взломом. Выйдя на свободу, бывший грабитель быстро понял, что похищать людей под видом их спасения — занятие куда более прибыльное и безопасное, чем налеты на ювелирные лавки. Общество готово было простить насилие, если оно было направлено против «сектантов».

Так сформировался рынок. Организация CAN (Cult Awareness Network — Сеть осведомленности о культах) стала своего рода диспетчерским центром этого бизнеса. Родственники, напуганные историями о «зомбировании», звонили на горячую линию. Им объясняли, что их близкий находится в смертельной опасности, и предлагали решение. Стоимость «услуги» варьировалась от десятков тысяч долларов. Семьи закладывали дома, опустошали пенсионные счета, влезали в кредиты, чтобы оплатить работу команды, состоящей из бывших уголовников и самопровозглашенных психологов.

В архивах сохранилась информация с сайта одной из подобных структур, где цинично описывалась суть процесса:

«Суть депрограммирования заключена в физико-психологическом и эмоциональном воздействии на человека, находящегося в религиозной или другой психологической зависимости с тем, чтобы заставить его отказаться от новоприобретённой системы ценностей».

Там же честно предупреждали о реакции жертвы:

«Человек… приходит в ярость, проклинает и оскорбляет специалистов по депрограммированию и своих родителей, угрожает местью, пытается совершить суицид или нанести себе физический вред…»

Попытки суицида подавались не как реакция на насилие, а как симптом «зависимости», подтверждающий необходимость продолжения процедуры. Замкнутый круг ада.

Почему полиция бездействовала? В ряде случаев, как показывают документы, имела место прямая коррупция или идеологическая солидарность. Депрограммисты часто козыряли связями в правоохранительных органах. В Японии, куда эта практика перекочевала из США, пастор Такадзава открыто заявлял похищенной девушке:

«Даже если придет полицейский, как только он узнает, что дело касается Церкви объединения, он будет сотрудничать со мной и скажет: “Продолжайте в том же духе!”»

В США ситуация была схожей. Полицейские, приезжавшие на вызов о похищении, часто видели плачущих родителей, утверждающих, что они «спасают ребенка». И полицейский, воспитанный на тех же газетных заголовках о страшных культах, разворачивался и уходил, списывая происходящее на «семейный конфликт».

Однако к концу 80-х годов ситуация начала меняться. Череда громких судебных процессов, в которых жертвам удалось доказать факты похищений и пыток, привела к банкротству старой CAN. Рик Росс, Стивен Хассен и другие поняли, что методы прямой физической агрессии становятся слишком рискованными.

Нужен был ребрендинг.

На смену грязному слову «депрограммирование» пришло стерильное понятие «консультирование по выходу» (exit counseling). Веревки и наручники сменились многочасовыми беседами в закрытых комнатах, но суть осталась прежней: человека изолировали от привычной среды, окружали кольцом давления и не отпускали до тех пор, пока его воля не была сломлена.

Именно в этот период, на стыке эпох, в США находился Александр Дворкин. Он видел, как работает эта машина. Он видел, как страх конвертируется в деньги и власть. Он общался с людьми из CAN, впитывая их идеологию и методы.

Когда «железный занавес» пал, эти технологии не исчезли. Они просто сменили прописку. Американские «ветераны» антикультового фронта начали активно делиться опытом с коллегами из Европы и новой России. Они учили не религиоведению. Они учили тому, как создавать образ врага и как продавать «защиту» от него.

Я смотрел на фотографию молодой Венди Хеландер. В ее глазах не было фанатизма, о котором кричали газеты. В них была усталость человека, которого предали самые близкие люди. Ее история — это напоминание о том, что дорога в ад действительно вымощена благими намерениями, особенно если эти намерения оплачены по прейскуранту.

Наследие похитителей 70-х никуда не делось. Оно растворилось в методичках, в судебных экспертизах, в риторике современных борцов за духовную чистоту. Наручники сняли, но стены остались. Просто теперь эти стены строят не из досок, а из слов и законов.

Глава 4. Паутина FECRIS

Адрес штаб-квартиры организации, претендующей на роль главного защитника Европы от «духовных угроз», звучал солидно. Марсель, Франция. В воображении рисовался стеклянный офис, охрана на входе, штат юристов и аналитиков, склонившихся над мониторами.

Однако реальность, как это часто бывает в моем расследовании, оказалась обескураживающе прозаичной. По указанному адресу не было бизнес-центра. Там находилась обычная квартира. Казначей организации, Дидье Пашу, человек, управляющий финансовыми потоками европейского масштаба, в

обычной жизни работал водителем трамвая. А генеральный секретарь, Мирей Деген, управляла «брюссельским офисом» прямо из своей гостиной.

Добро пожаловать в FECRIS — Европейскую федерацию центров по исследованию и информированию о сектантстве.

Если в предыдущих главах мы видели, как в США борьба с культами была делом частных «ковбоев»-депрограммеров, а в России — инициативой отдельных активистов, ищущих покровительства силовиков, то здесь, в сердце Европы, я столкнулся с принципиально иным зверем. Это была бюрократическая машина. Холодная, респектабельная и, что самое важное, государственная.

Чтобы понять, как Александр Дворкин и его российские соратники получили статус международных экспертов, нужно распутать клубок, завязанный в Париже в 1994 году.

Франция всегда гордилась своим лаицизмом — жестким разделением церкви и государства. Но в 90-е годы эта гордость трансформировалась в паранойю. На волне страха перед «американским влиянием» две французские организации — UNADFI и CCMM — решили объединить усилия и создать международный фасад. Так появилась FECRIS.

На бумаге это выглядит как мощное объединение независимых ассоциаций из тридцати стран. «Голос гражданского общества», как любят говорить в Европарламенте. Я начал проверять список этих ассоциаций, и передо мной открылась картина, напоминающая потемкинские деревни.

Итальянские члены федерации — организации FAVIS, CeSAP, ARIS — на поверку оказались крошечными группами, существующими преимущественно на бумаге и в интернете. У них не было ни офисов, ни штата, ни реальной общественной поддержки. Это были фантомы. Но когда эти фантомы собирались вместе в конференц-зале в Брюсселе или Страсбурге, они создавали иллюзию массового движения.

Зачем нужен этот спектакль? Ответ, как всегда, кроется в деньгах.

Я получил доступ к финансовым отчетам французских организаций, стоявших у истоков FECRIS. Цифры говорили громче любых лозунгов. Бюджет

UNADFI на 96% формировался из государственных субсидий. У ССММ эта цифра доходила до 98%. Частные пожертвования — тот самый маркер реальной поддержки общества — составляли жалкие 2–3 процента.

Для сравнения: «Врачи без границ», организация с безупречной репутацией, получает от государства лишь около 5% своего бюджета. Остальное дают люди, которые верят в их миссию. В случае с антикультистами люди не давали ни сантима. За банкет платило правительство Франции.

Это меняет всё. FECRIS и её сателлиты — это не НКО в привычном понимании. Это государственные агенты, замаскированные под общественников.

Механизм финансирования был выстроен через специальную структуру при премьер-министре Франции — MILS (позже переименованную в MIVILUDES). Эта межведомственная миссия стала кошельком и щитом для антикультистов.

В начале 2000-х разразился скандал, который мог бы похоронить любую другую организацию, но не эту. Ален Вивьен, президент MILS и бывший глава ССММ, был вынужден подать в отставку. Аудит показал вопиющие факты: огромные суммы налогоплательщиков тратились не на «защиту граждан», а на покупку дорогой недвижимости для нужд UNADFI и на бесконечные зарубежные поездки самого Вивьена.

Половина бюджета уходила на содержание аппарата и создание комфортных условий для борцов с сектами. Это была кормушка. Но, несмотря на отставку Вивьена и переименование структуры, схема сохранилась. Деньги продолжали течь.

Именно в эту структуру идеально вписался Александр Дворкин.

В 2009 году произошло событие, которое в российских новостях подавалось как триумф отечественной науки: российский сектовед был избран вице-президентом FECRIS. Для внутренней аудитории в РФ это был знак качества. «Смотрите, — говорили чиновники и журналисты, — нашего эксперта признала Европа. Значит, его методы верны. Значит, его терминология научна».

Но что это давало самой FECRIS? Зачем респектабельным французам понадобился радикал из Москвы?

Изучая протоколы их совместных заседаний, я понял, что это был брак по расчету. Европейским антикультистам нужен был «страшный пример» с Востока, чтобы оправдывать свои бюджеты, и одновременно — союзник в идеологической войне.

Идеология эта строилась на конспирологии. В 2001 году французский журналист Бруно Фушеро опубликовал статью «Секты: троянский конь США в Европе». Эта идея стала цементом, скрепившим FECRIS. Согласно этой теории, новые религиозные движения — это не просто группы верующих, а инструменты американской разведки, созданные для разрушения культурной идентичности суверенных стран.

Здесь интересы французских секуляристов и российских «патриотов» совпали идеально. Для одних врагом была «американская культурная экспансия», для других — «угроза Святой Руси». Общий враг объединил водителя трамвая из Марселя и профессора ПСТГУ из Москвы.

Я нашел документы, подтверждающие, что сотрудничество не ограничивалось конференциями. Представители MIVILUDES — государственные служащие Франции регулярно выступали на одной сцене с Дворкиным. Серж Блиско, Жорж Фенек, Анн-Мари Кураж — эти имена мелькают в отчетах о мероприятиях в Санкт-Петербурге, Риге, Софии.

Легитимизация работала в обе стороны. Когда Дворкина критиковали в России за отсутствие профильного образования, он доставал козырь: «Я вице-президент европейской федерации, консультант Совета Европы». Когда французских антикультистов обвиняли в нарушении прав человека, они кивали на Восток: «Смотрите, наши коллеги в России сталкиваются с теми же угрозами, это глобальная проблема».

Но за фасадом взаимных реверансов скрывались сломанные судьбы. FECRIS действовала как информационный хаб. Если какая-то группа объявлялась «сектой» в отчете MIVILUDES, эта информация тут же подхватывалась в России как доказанный факт. И наоборот: справки,

составленные центром Дворкина, переводились на французский и ложились на стол европейским чиновникам как «свидетельства с мест».

Особенно циничным выглядело сотрудничество FECRIS с Китаем. В то время как правозащитные организации всего мира били тревогу по поводу репрессий против последователей Фалуньгун (речь шла об арестах, пытках и даже изъятии органов), FECRIS заняла позицию Пекина. Китайская ассоциация по борьбе с сектами, являющаяся прямым инструментом компартии, стала желанным гостем на форумах федерации.

Логика была простой: враг моего врага — мой друг. Если Китай борется с «культами», значит, Китай прав, какими бы методами он ни действовал.

Я смотрел на групповое фото с конференции в Риге 2018 года. Там присутствовали Александр Дворкин, его адвокат Александр Корелов и представители MIVILUDES. Они улыбались. Это был клуб по интересам, члены которого научились конвертировать страх в гранты, а нетерпимость — в политический капитал.

Среди документов FECRIS мне попалась «Хартия», принятая в 1999 году. В ней организация объявляла себя «неполитической, нерелигиозной и некоммерческой». Каждое из этих слов было ложью.

Она была политической, так как существовала на деньги правительства и обслуживала государственные интересы. Она была религиозно ангажированной, так как в ее руководство входили представители доминирующих конфессий (в том числе РПЦ), борющиеся с конкурентами. И она была коммерческой в том смысле, что ее существование зависело от постоянного потока субсидий, который нужно было оправдывать новыми и новыми «угрозами».

Но самое страшное заключалось не в финансовой нечистоплотности. Самое страшное было в том, что эта структура создала «презумпцию виновности» для любого инакомыслия в Европе.

В Италии, Франции, Бельгии начали происходить странные вещи. Полиция врывалась в дома общин, занимающихся йогой или медитацией, на основании «сигналов» от организаций-членов FECRIS. В прессе появлялись

разгромные статьи, написанные под копирку, где менялись только названия групп, а обвинения в «зомбировании» оставались прежними.

Я связался с одним из итальянских журналистов, который пытался расследовать деятельность местного отделения FECRIS. — Ты не найдешь там ничего, кроме почтового ящика, — сказал он мне по телефону. — Но у этого почтового ящика есть право голоса в Совете Европы. Они получили статус НПО при Совете Европы в 2005 году. Это дает им доступ к трибуне. Они могут влиять на резолюции. Они создают информационный шум, который политики принимают за глас народа.

Паутина была сплетена мастерски. В центре сидел паук, питающийся государственными деньгами, а нити тянулись в парламенты, министерства и полицейские участки десятков стран. И по этим нитям бежали импульсы страха.

В одной из таблиц, приложенных к отчету MIVILUDES, я нашел графу «Охват населения». Напротив UNADFI и CCMM стояла цифра: 66 миллионов человек. Все население Франции. Они считали, что «защищают» всех. Но на самом деле они создавали атмосферу, в которой сосед начинал косо смотреть на соседа, если тот молился не так, как принято, или воспитывал детей по другой методике.

В конце моего пребывания во Франции я посетил публичную библиотеку, чтобы найти старые подшивки газет времен скандала с Вивьеном. На одной из полос было фото: Ален Вивьен пожимает руку высокопоставленному чиновнику. Подпись гласила: «Государство на страже ментальной гигиены».

Термин «ментальная гигиена» резанул слух. Он был связан с чем-то, что не терпит сложности и разнообразия жизни.

Я вышел на улицу. Марсель шумел, полный запахов, звуков, языков. Это был живой город. Но где-то здесь, в тихой квартире водителя трамвая, лежали папки с отчетами, в которых эта жизнь была расчерчена на «правильную» и «неправильную». И печать на этих папках ставили люди, уверенные, что имеют право решать за других.

Если с деньгами все стало более-менее понятно, то идеологические корни этой ненависти уходили куда глубже, чем просто бюрократическая жадность. В

риторике Дворкина и его европейских коллег я все чаще замечал фразы, которые казались смутно знакомыми. О «защите народного духа», о «биологической угрозе» чуждых верований.

Мне нужно было проверить одну историческую гипотезу. И для этого предстояло погрузиться в архивы времен, когда Европа уже однажды пыталась «очистить» себя от чуждых элементов. Следы вели в Германию 30-х годов.

Глава 5. Тень свастики

Передо мной лежала копия документа, датированного 1937 годом. Это был не приказ о расстреле и не план военной операции. Это была бюрократическая инструкция, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, главой службы внутренней безопасности нацистской Германии.

Документ имел индекс D-59 в нюрнбергской классификации. Я читал его, и каждое слово отзывалось странным, пугающим эхом. Текст предписывал «немедленно принять меры против организаций, клубов, объединений и кружков». В нем говорилось о конфискации имущества, о запрете деятельности и, что самое важное, об аресте всех лиц, «посвященных в тайные учения».

Особенно меня поразила педантичность зла. Гейдрих указывал точное время для проведения рейдов: «по возможности между 7:00 и 9:00».

Я отложил лист. Где-то я это уже видел. Вспомнился протокол обыска у екатеринбургских музыкантов из первой главы. Те же ранние часы. То же изъятие литературы и личных записей. Та же уверенность в том, что группа людей, читающих книги за закрытыми дверями, представляет смертельную угрозу для государства.

Но Гейдрих был палачом, исполнителем. Мне же нужно было найти архитектора. Идеи не рождаются в головах полицейских генералов; они приходят туда из университетских кафедр и теологических семинарий.

След привел меня к человеку, чье имя редко упоминается в учебниках истории, но чье наследие живет в каждом современном «заключении сектоведа». Вальтер Кюннет.

В 1920-е годы Германия, униженная Версальским миром, искала виноватых. Общество бурлило, возникали сотни новых движений — от мистических кружков до политических партий. В этом хаосе протестантская церковь чувствовала, что теряет контроль над паствой. Ей нужен был инструмент для борьбы с конкурентами.

В 1921 году при церкви был создан Апологетический центр (Apologetische Centrale). Его возглавил молодой, амбициозный теолог Вальтер Кюннет. Официально задача центра звучала благородно: защита веры, дискуссия, просвещение. Но методы, которые начал разрабатывать Кюннет, не имели ничего общего с христианским милосердием.

Кюннет совершил подмену, которая стала фатальной для миллионов. Он перевел разговор о религии из плоскости теологии в плоскость биологии и государственной безопасности.

— Эти группы — не заблудшие овцы, — писал он в своих трудах. — Это инородные тела в организме нации.

Именно в кабинетах Апологетического центра родилась риторика, которую мы слышим сегодня. Кюннет и его сотрудники начали составлять списки «сект». В эти списки попадали не только оккультисты, но и пацифисты, исследователи Библии (Свидетели Иеговы), масоны, антропософы. Критерий был один: инакомыслие. Любая группа, которая ставила свои убеждения выше лояльности государству и «народной общности» (Volksgemeinschaft), объявлялась врагом.

Я изучал структуру работы Центра Кюннета. Это была настоящая фабрика компромата. Они собирали слухи, вырывали цитаты из контекста, интерпретировали закрытость общин как признак заговора. К 1936 году в их архивах числилось около 500 групп, помеченных как «опасные».

Но самое страшное произошло в 1933 году, когда к власти пришли нацисты. Казалось бы, церковь должна была дистанцироваться от радикалов. Но Кюннет

увидел в Гитлере шанс. Шанс реализовать свои теоретические наработки на практике.

Апологетический центр начал тесно сотрудничать с Гестапо и Министерством пропаганды Йозефа Геббельса. Теологи передавали свои архивы спецслужбам. Списки «сектантов», составленные церковными «экспертами», ложились на столы следователей СС.

Это был идеальный симбиоз. Нацистам нужны были враги, чтобы сплотить нацию, а «сектоведам» нужна была силовая дубина, чтобы уничтожить конкурентов.

В одной из статей того времени я наткнулся на термин, который заставил меня похолодеть. «Раковая опухоль». Кюннет и его единомышленники называли религиозные меньшинства и евреев раковой опухолью на теле немецкого народа.

Метафора болезни — это мощнейшее психологическое оружие. С оппонентом можно спорить. Заблуждающегося можно переубедить. Но с опухолью не разговаривают. Опухоль вырезают.

Именно Кюннет дал моральное оправдание репрессиям. Он объяснил немецкому обывателю, что отправка соседа в концлагерь — это не преступление, а акт «социальной гигиены». Это лечение.

Я попытался найти отличия между риторикой Кюннета и современными текстами, которые я анализировал в предыдущих главах. Их практически не было.

Когда современный российский эксперт пишет: «Секта разрушает культурный код нации», он цитирует Кюннета. Когда французский чиновник из MIVILUDES говорит о «ментальной защите», он повторяет тезисы немецких апологетов 30-х годов. Когда с телеэкранов звучит фраза о «духовной безопасности», за ней стоит тень свастики.

Но Кюннет был не единственным. В этой галерее «экспертов» выделялась еще одна зловещая фигура — Йорг Ланц фон Либенфельс. Человек, называвший себя «религиозно-политическим экспертом». Его идеи были еще радикальнее. Он не просто хотел запретить «секты». Он предлагал биологическое решение.

В своих работах Ланц писал о необходимости стерилизации и кастрации представителей «низших рас» и носителей «вредных идей». Он называл это «очищением». Для него демократия, социализм, феминизм и новые религиозные движения были звеньями одной цепи — признаками вырождения арийского духа.

Гитлер читал Ланца. Гитлер восхищался Лютером, который еще в XVI веке призывал сжигать синагоги и изгонять инакомыслящих. Нацизм не возник на пустом месте. Он стал кульминацией многовековой традиции нетерпимости, которую в XX веке упаковали в наукообразную обертку «сектоведения».

Историк Хорст Юнгингер, исследовавший этот период, прямо указывает: нацизм стал результатом слияния государства и антикультовых организаций. Без идеологической подготовки, проведенной «экспертами» вроде Кюннета, Холокост и массовые репрессии были бы невозможны. Людей нужно было сначала расчеловечить. Превратить их в «сектантов», в «элементы», в «цифры».

Что стало с Вальтером Кюннетом после войны?

Логика подсказывает, что идеолог, чьи списки использовались для отправки людей в Дахау и Бухенвальд, должен был сидеть на скамье подсудимых в Нюрнберге. Но реальность оказалась циничнее.

Кюннет не только избежал наказания. Он продолжил блестящую карьеру. В 1946 году, когда печи крематориев еще не остыли, он стал почетным профессором богословия в Эрлангене. Он преподавал этику и догматику. Он писал книги. Он учил студентов.

Система своих не сдает. Кюннет был слишком полезен. Его опыт борьбы с «внутренним врагом» оказался востребован в новой, демократической Германии, которая теперь боялась коммунистов и новых культов. Модель «защиты конституции» (Verfassungsschutz), принятая в ФРГ, во многом унаследовала методы слежки за идеологическими группами, разработанные в Апологетическом центре.

Именно через Кюннета протянулась нить преемственности к современности. Его учеником и последователем стал Фридрих-Вильгельм Хаак — баварский пастор, которого называют «отцом современного антикультизма».

Хаак, в свою очередь, был наставником Йоханнеса Огорда. А Огорд был учителем Александра Дворкина.

Это прямая линия передачи. Не просто идейная близость, а непосредственное ученичество. Дворкин, приехав в Россию, привез не американские ноу-хау. Он привез адаптированную версию немецкой тоталитарной апологетики.

Я смотрел на фотографию Кюннета, сделанную в 60-е годы. Благообразный старец, профессор, уважаемый член общества. Никакой свастики на рукаве. Но в его глазах читалась та же уверенность: он знает, как правильно верить, и он имеет право карать тех, кто верит иначе.

В 1958 году, спустя тринадцать лет после Хиросимы, этот «христианский мыслитель» заявил: «Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

Эта фраза — ключ к пониманию психологии инквизитора. Для них насилие — это форма любви. Уничтожая «секту», они спасают нацию. Сжигая город, они спасают мир от заразы.

Я вернулся к современным реалиям. Сегодня мы видим, как легко возрождается эта риторика. Термин «деструктивный культ» не имеет юридического определения, точно так же как не имели его ярлыки, которые вешал Кюннет. Это резиновая дубинка, которой можно бить кого угодно.

В России, во Франции, в Китае — везде, где государство хочет установить монополию на истину, оно прибегает к услугам наследников Кюннета. Они создают атмосферу осажденной крепости. Они убеждают нас, что сосед, который не ест мясо или медитирует по утрам, — это агент влияния, шпион, террорист.

Механизм работает безупречно. Сначала — слово. Слово «секта». Слово «опухоль». Слово «паразит». Затем — «экспертное заключение», подтверждающее, что этот человек не совсем человек. А затем — стук в дверь между 7:00 и 9:00 утра.

История с «Бхагавад-гитой» в Томске, о которой я писал ранее, вдруг заиграла новыми красками. Ведь нацисты тоже начинали с книг. Сначала они запрещали «негерманские» тексты, потом сжигали их на площадях. Апологетический центр Кюннета готовил списки литературы для костров.

Современные экспертные советы готовят списки литературы для Федерального списка экстремистских материалов.

Разница лишь в том, что сегодня вместо костров используются шредеры и блокировки сайтов. Но суть — уничтожение памяти и мысли — остается прежней.

Я закрыл папку с копиями немецких документов. За окном шел снег, укрывая город белым саваном. Казалось, что прошлое надежно похоронено под толщей лет. Но в тишине кабинета я слышал, как скрипит перо Вальтера Кюннета, вписывающего очередное имя в черный список.

Он умер в своей постели, окруженный почетом. Но дело его живет. И самое страшное не в том, что такие люди существуют. Самое страшное в том, что мы, общество, снова готовы их слушать. Мы снова готовы поверить, что наша безопасность зависит от уничтожения тех, кто на нас не похож.

На столе осталась лежать фотография марширующих колонн 30-х годов. Лица людей на ней были светлыми, вдохновленными. Они не считали себя злодеями. Они верили, что очищают мир. Они доверяли своим экспертам.

В следующем документе, который мне предстояло изучить, речь шла уже не о далекой истории. Речь шла о том, как эти методы вернулись на мою родину. И как люди в погонах нашли общий язык с людьми в рясах, создав альянс, о котором Кюннет мог только мечтать.

Я убрал документы в сейф. Тень свастики не исчезла. Она просто растворилась в сумерках, став частью пейзажа, который мы привыкли считать нормальным.

Глава 6. Агенты в рясах

В начале девяностых годов, когда империя рушилась, а воздух был пропитан свободой и тревогой, в Москве произошло событие, которое могло бы

стать началом очищения, но стало лишь прологом к новой эпохе лжи. Была создана парламентская комиссия Верховного Совета по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП. В рамках этой работы депутатам, среди которых был священник Глеб Якунин, открыли доступ к святая святых — архивам КГБ СССР.

То, что они там увидели, не предназначалось для глаз простых смертных. Это были не просто папки. Это были «зеленые тома» с грифами «Секретно» и «Совершенно секретно». В них хранились ежемесячные отчеты 4-го отдела Пятого управления КГБ — структуры, созданной специально для идеологического контроля и борьбы с инакомыслием.

Якунин, человек, сам прошедший через лагеря за веру, листал эти страницы с дрожащими руками. Перед ним открывалась изнанка того, что миллионы людей считали духовным прибежищем. Русская православная церковь (Московский патриархат) в этих документах представала как жестко структурированное подразделение советских спецслужб.

В отчетах были агентурные клички. «Аббат», «Адамант», «Антонов», «Нестерович», «Кузнецов». За этими псевдонимами скрывались люди, носившие высокие церковные саны, облаченные в золотые ризы и панагии. Они не просто «выживали» при режиме. Они были его частью.

Один из документов, датированный июлем 1983 года, сухо констатировал: «В Ванкувер на VI Генеральную ассамблею Всемирного совета церквей в составе религиозной делегации СССР направлено 47 агентов органов КГБ». Сорок семь человек из ста двадцати. Почти половина делегации состояла из офицеров в рясах или завербованных осведомителей. Их задачей была не проповедь Евангелия, а продвижение нужных политических резолюций и сбор информации о зарубежных коллегах.

Но самое страшное крылось не в международном шпионаже, а во внутренней «работе». В отчетах полковника Тимошевского за 1988 год описывались методы, которые применяли эти «духовные отцы» против своих же братьев по вере.

«Через агентуру удалось склонить жену объекта “Аптекарь” обратиться в суд с заявлением о разводе...» — гласила одна из записей.

«Аптекарь» — это был религиозный диссидент Александр Огородников. Система не просто сажала его в тюрьму. Она разрушала его семью руками священников-агентов, влезала в постель, ломала личные связи. В документах упоминалось использование спецпрепаратов, «развязывающих язык», провокации, клевета. Это была не духовная брань. Это была оперативная разработка.

Когда СССР распался, многие наивно полагали, что эта структура исчезнет вместе с партийными билетами. Что церковь покается, очистится и станет моральным ориентиром. Но этого не произошло.

Ключ к пониманию того, что произошло дальше, дает цитата Константина Харчева, председателя Совета по делам религий в СССР. Человека, который знал эту кухню изнутри как никто другой.

— Мы 70 лет боролись с церковью, — признавался он. — В частности, мы заботились о том, чтобы на наиболее значимые должности были назначены наиболее аморальные и растленные люди. А вот теперь мы хотим, чтобы они нам устроили духовное возрождение.

«Наиболее аморальные и растленные». Люди, отобранные КГБ по принципу беспринципности, никуда не делись. Они остались на своих кафедрах. И когда в новой России возник вакуум власти, они быстро поняли, как его заполнить.

В 1994–1995 годах, пока страна корчилась в муках экономических реформ, Московская патриархия заключила ряд соглашений, которые по своей сути были уникальны для светского государства. Это были договоры о сотрудничестве с силовыми структурами: Министерством обороны, МВД, погранвойсками и даже ФАПСИ — Федеральным агентством правительственной связи и информации.

Зачем церкви правительственная спецсвязь? Зачем епископам защищенные линии и «вертушки»? Ответ прост: церковь встраивалась в вертикаль власти как дублирующая спецслужба. Она становилась идеальным инструментом контроля, имеющим доступ туда, куда не могли попасть обычные оперативники.

В России на сцене появляется структура, о которой мы говорили ранее — РАЦИРС во главе с Александром Дворкиным. Если иерархи обеспечивали стратегический союз с государством, то РАЦИРС взяла на себя роль «полевой жандармерии» и идеологического отдела.

Ключевая реорганизация произошла в 2008 году. Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 года № 1316 подразделения по противодействию экстремизму были образованы на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью. В регионах после этой реорганизации появились центры по противодействию экстремизму, известные как Центры «Э».

Валерий Отставных, бывший сотрудник миссионерского отдела, ставший свидетелем этих событий, описывает их с пугающей простотой. Оперативники, привыкшие работать с бандитами и рэкетирами, оказались в растерянности. У них был план по «экстремистам», но не было самих экстремистов. Националистов пересажали, реальные террористы прятались в горах, а отчетность требовала цифр.

И тогда они пришли в церковь.

— Ребята, — сказали полицейские миссионерам в Туле, — мы слышали, вы тут боретесь с какими-то гадами, врагами государства. У нас про них информации нет. Не можете поделиться? Где живут лидеры деструктивных общин?

Это был момент слияния. «Убойный отдел» встретился с «миссионерским отделом». Полицейская дубинка нашла руку, которая укажет, кого бить. Сотрудники РАЦИРС с радостью предоставили списки. В них попали пятидесятники, кришнаиты, мормоны, последователи йоги — все, кто составлял конкуренцию «титульной» религии.

Так родилась схема, работавшая безупречно. Дворкин и его люди создавали информационный шум, называя группу «сектой». Полиция, опираясь на эти «экспертные данные», возбуждала дела об экстремизме. Суды штамповали решения. Круг замыкался.

Но у этого альянса была и другая, сугубо коммерческая сторона. Борьба за духовность, как выяснилось, отлично монетизируется.

В ходе расследования я наткнулся на информацию о своеобразном «налоге на веру», который действовал в определенных регионах. Схема напоминала классический рэкет 90-х, только вместо спортивных костюмов «крышу» предлагали люди в строгих костюмах и даже в рясах.

Религиозной организации, желающей спокойно работать в регионе, делалось предложение, от которого трудно отказаться. Входной билет — 10 000 долларов. Ежегодный взнос «на поддержку» — 3 000 долларов.

— Передав взятку, религиозная организация получает «крышу» от серьезных ребят, — рассказывал источник, знакомый с ситуацией изнутри. — В противном случае она попадает в список сектантских.

Это был циничный бизнес. Ярлык «секта» стал товаром. Хочешь быть «традиционной конфессией»? Плати. Не хочешь платить? Значит, ты — деструктивный культ, угроза национальной безопасности, и завтра к тебе придут с обыском в 6 утра.

Учитывая количество религиозных объединений в России, оборот этой теневой индустрии мог составлять сотни тысяч долларов в год. И это только прямые поборы. А были еще гранты, бюджетное финансирование программ по «духовной безопасности», захват имущества ликвидированных организаций.

Через подставные фирмы, прокачивались крупные суммы. И все это прикрывалось мощнейшим щитом спецслужб. Любая попытка расследовать эту деятельность натыкалась на стену. Журналистов объявляли врагами веры, следователей отстраняли.

Но вернемся к методам. Как именно РАЦИРС и аффилированные с ней структуры собирали информацию? Ведь для того, чтобы обвинить человека, нужен компромат.

Здесь в игру вступали технологии, достойные шпионских романов, но применяемые с мелочной подлостью. Валерий Отставных рассказывал о методе «Вася».

Сотрудник миссионерского отдела или активист РАЦИРС создавал фейковый аккаунт в социальных сетях. Под видом простодушного искателя истины («Вася»), он вступал в переписку с членами общин.

— А как у вас дела? А правда, что пастор жадный? А кто у вас лидер?

Люди, привыкшие к доверию, открывались. Они рассказывали о внутренней жизни, о проблемах, о расписании встреч. Вся эта информация аккуратно подшивалась в папки.

— Местный архиерей хвалился Дворкину: какие у нас профессионалы, знают, какое у пастора белье сушится на балконе, — вспоминал Отставных.

Это называлось «мониторингом религиозной ситуации». На деле это была тотальная слежка. Сбор разведданных. Работа под прикрытием. И занимались этим не офицеры ФСБ (у них были дела поважнее), а церковные активисты, возомнившие себя тайной полицией Господа Бога.

Особую роль в этой системе играл министр юстиции Александр Коновалов. Его биография — идеальный пример того, как личные связи становятся государственным вектором. Коновалов был студентом Дворкина в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Ученик, ставший министром, не забыл учителя.

Именно при Коновалове был создан тот самый Экспертный совет, о котором мы говорили ранее. Круг замкнулся на самом верху. Идеология маргинального борца с сектами стала официальной позицией Министерства юстиции огромной страны.

Но эта паутина не ограничивалась границами России. Агенты в рясах действовали и за рубежом, используя те же методы инфильтрации и влияния.

В Латвии, стране Евросоюза и НАТО, главой православной церкви был митрополит Александр Кудряшов. В архивах КГБ Латвийской ССР, которые были частично открыты, исследователи нашли его карточку. Агент «Читатель». Завербован в 1982 году 5-м отделом КГБ.

«Читатель» не просто доносил. Ему поручали деликатные миссии. Например, обработку зарубежных гостей. В его послужном списке — работа с православными иерархами из США и Англии.

Этот факт вскрылся, но ничего не изменилось. «Читатель» остался на своем посту, продолжая руководить паствой. Это доказывает удивительную живучесть системы. Агентурная сеть, созданная Андроповым, пережила распад страны, смену флагов и конституций. Она просто мимикрировала.

К 2017 году ситуация в России изменилась. Старая бизнес-модель «плати или умри» перестала удовлетворять аппетиты системы. Началась эпоха тотальной зачистки. Запрет Свидетелей Иеговы стал сигналом: время компромиссов прошло. Теперь цель была не в деньгах (хотя и в них тоже), а в полной монополии на души.

РАЦИРС и стоящие за ней кураторы из спецслужб перешли к тактике выжженной земли. Любая альтернатива должна быть уничтожена. Любая иная мысль — объявлена преступной.

Я смотрел на копию отчета полковника Тимошевского, лежащую на моем столе. Бумага пожелтела, но смысл слов остался прежним. «Компрометация объекта». «Спецмероприятия».

Сегодня эти отчеты пишутся не на пишущих машинках, а на компьютерах в уютных кабинетах РАЦИРС и центров «Э». Но суть та же. Священник, благословляющий оперативника на обыск у «сектанта», — это и есть тот самый агент «Аббат» или «Адамант», только сменивший имя.

В папке с документами о деятельности РАЦИРС я нашел фотографию с одного из круглых столов. За столом сидели Александр Дворкин, представители МВД и священники. Они что-то обсуждали, склонившись над бумагами. Лиц не было видно, только затылки и руки. Но в центре стола лежал предмет, который привлек мое внимание.

Это была не Библия. И не Уголовный кодекс. Это был список. Список организаций, подлежащих ликвидации. И напротив некоторых названий уже стояли галочки, поставленные уверенной рукой человека, который точно знает: ему за это ничего не будет. Потому что он и есть закон. И он и есть «духовность».

Но если в России этот механизм работал грубо и открыто, опираясь на силу государства, то на Западе требовались иные методы. Там нельзя было просто прислать ОМОН. Там нужно было действовать тоньше. И для этого существовал другой полигон, где отрабатывались технологии массового уничтожения репутации. Место, название которого стало нарицательным. Уэйко.

Глава 7. Уэйко

Фотография, которую я держу в руках, могла бы стать иллюстрацией к репортажу о сафари. На ней группа мужчин в камуфляже и бронежилетах позирует на фоне дымящихся руин. Они улыбаются. Один из них победно вскинул руку. Но это не Африка и не зона боевых действий в далекой стране. Это Техас, 1993 год. А под ногами этих людей, в пепле и обломках, лежат обугленные останки семидесяти шести гражданских лиц, включая двадцать пять детей.

События в поместье «Маунт-Кармел» близ города Уэйко стали точкой невозврата. Если раньше мы говорили о сломанных судьбах, похищениях и судебных фальсификациях, то здесь теоретические конструкции антикультизма впервые обрели плоть в виде танков, боевого газа и огня. Это был момент, когда слово «секта» перестало быть просто оскорблением и стало смертным приговором, выписанным без суда.

Чтобы понять, как американское правительство решилось на штурм дома с женщинами и младенцами, нужно отмотать пленку назад. Трагедия началась не с выстрелов. Она началась с консультаций.

В начале 90-х годов Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) и ФБР столкнулись с ситуацией, которая требовала деликатности. Группа «Ветвь Давидова» — ответвление адвентистов седьмого дня, существующее с 1935 года, — жила обособленной общиной. Их лидер, Дэвид Кореш, был фигурой неоднозначной, но группа не совершала

терактов и не захватывала заложников. Они были вооружены, как и многие техасцы, и верили в скорый конец света.

В обычной ситуации переговоры с такой группой вели бы религиоведы или психологи, понимающие язык библейских метафор. Но в этот раз в командном центре ФБР появился иной советник. Рик Алан Росс.

Человек, не имеющий ни степени по теологии, ни образования в области поведенческой психологии, получил беспрецедентный доступ к ушам руководителей федеральных агентств. Для него это были не верующие, ожидающие Апокалипсиса. Это был «деструктивный культ», а Кореш — «психопат-манипулятор», с которым невозможно договориться.

Росс предлагал ФБР попытаться дискредитировать Кореша в глазах последователей, рассказывая им о его недостатках и неудачах.

Внутренние документы ФБР, рассекреченные позже, показали, что штатные переговорщики и профайлеры бюро предлагали совершенно иную стратегию. Они указывали, что Кореш и его последователи действуют в рамках своей теологической логики. Если вступить с ними в диалог на языке Писания, конфликт можно разрешить мирно.

Доктор Филипп Арнольд и доктор Джеймс Табор, религиоведы, пытались достучаться до федералов. Они предложили схему: позволить Корешу написать толкование на «Семь печатей» из Книги Откровения. Лидер общины согласился. Он пообещал, что как только рукопись будет закончена, они выйдут. Это был реальный шанс.

Но голос науки утонул в шуме, созданном «экспертом-самоучкой». Росс настаивал: любые уступки — это проявление слабости. Культ нужно сломать.

ФБР выбрало тактику эскалации стресса. Это была психологическая пытка, растянутая на 51 день. По ночам на жилой комплекс направляли мощные прожекторы, лишая людей сна. Из гигантских динамиков круглосуточно транслировали то, что должно было свести с ума: звуки убиваемых кроликов, визг бормашины, тибетские мантры и поп-музыку на запредельной громкости.

Представьте себе состояние матерей, прижимающих к себе детей в доме, который трясется от звуковых ударов, в то время как за окнами рычат моторы

бронетехники. Антикультисты называли это «давлением на лидера». На деле это было методичное уничтожение психики заложников, которых якобы пришли спасать.

Параллельно с осадой шла война в медиа. Австралийский журналист Мартин Кинг в программе «A Current Affair» запустил серию репортажей, основанных на словах «апостатов» — бывших членов общины, сотрудничавших с Россом. С экрана лился поток обвинений: насилие над детьми, сексуальные оргии, подготовка к массовому самоубийству.

Общественное мнение готовили к бойне. Зрителям объясняли: там, за стенами ранчо, уже не люди. Там «зомби». Там «фанатики». А значит, их не жалко. Механизм дегуманизации, отработанный в 30-е годы в Европе, сработал безупречно в демократической Америке 90-х.

19 апреля 1993 года наступила развязка. ФБР начало штурм.

Против здания, полного женщин и детей, были применены танки, оснащенные таранами. Они проламывали стены, впрыскивая внутрь слезоточивый газ CS.

Здесь нужно остановиться подробнее. Газ CS — это не просто средство для разгона демонстраций. В 1997 году Конвенция о химическом оружии запретит его использование в боевых действиях. В Уэйко CS вводили внутрь здания в ходе операции 19 апреля.

Я читал отчеты токсикологов. Воздействие этого газа на детский организм чудовищно. Он вызывает не просто слезотечение. Он вызывает сильнейший спазм дыхательных путей и мышц. Тело скручивает так, что могут ломаться кости.

Дети в «Маунт-Кармел» умирали в муках еще до того, как начался пожар. Они задыхались, их тела бились в конвульсиях. А снаружи «эксперты» объясняли журналистам, что это необходимая мера для того, чтобы выкурить фанатиков.

Когда начался пожар — до сих пор идут споры, был ли он вызван случайно опрокинутыми лампами при таране танками или стал актом отчаяния

осажденных, — у людей не было шансов. Танки разрушили выходы, завалив их обломками стен.

Огонь поглотил всё. В прямом эфире миллионы американцев видели, как рушится крыша, хороня под собой тех, кого государство поклялось защитить.

Но самое страшное началось потом. Когда дым рассеялся, на пепелище пришли не священники, а агенты с флагами. Они праздновали победу.

В морге округа Таррант патологоанатомы столкнулись с неразрешимой задачей. Тела были настолько фрагментированы и обожжены, что их невозможно было идентифицировать сразу. Им присваивали номера: «Маунт-Кармел Доу» (MC Doe). Иногда в одном мешке для трупов находились останки нескольких человек.

«Боже мой, пытать младенцев и говорить, что это часть их работы?!» — воскликнул Джеймс Браннон, адвокат, представлявший семьи погибших детей.

Но система не дрогнула. Никто из консультантов, подталкивавших ФБР к силовому решению, не понес ответственности. Напротив, Рик Росс продолжил свою карьеру, называя свое участие в операции «консультированием».

— Я просто давал советы, — скажет он позже.

Это классическая позиция «эксперта» в этой индустрии. Он наводит прицел, но на курок нажимает другой. Он создает образ врага, но бензин подливает кто-то еще. Формально его руки чисты. Но на них — пепел Уэйко.

Трагедия в Техасе стала не просто историческим фактом. Она превратилась в методичку. Модель «силового решения сектантского вопроса» была экспортирована и адаптирована в других странах.

В ноябре 2007 года в России, в Пензенской области, группа верующих ушла в землянки, ожидая конца света. Ситуация до боли напоминала Уэйко: замкнутая община, харизматичный лидер (Петр Кузнецов), дети под землей.

И тут же в медиапространстве возникла знакомая фигура. Александр Дворкин в эфире федерального телеканала «Вести» заявил: «Эти люди долго находились под психологическим влиянием… Эксперт по сектам говорит о

высокой вероятности коллективного самоубийства… Из недавних трагедий можно вспомнить случай с “культом Кореша” в США».

Дворкин не призывал к переговорам. Он нагнетал истерию, проводя прямую параллель с Уэйко. Он фактически подсказывал силовикам сценарий: «Они сожгут себя, как давидианцы». Это была подготовка общественного мнения к возможному штурму. К счастью, у местных переговорщиков хватило мудрости и терпения не форсировать события, и люди вышли сами.

Но сам факт использования Уэйко как аргумента показателен. Для антикультистов эта трагедия — не ошибка, которой нужно стыдиться. Это прецедент. Это доказательство того, что с «сектантами» нельзя иначе.

Уэйко показало, как легко стирается грань между правоохранительной деятельностью и карательной операцией. Достаточно лишь изменить словарь. Если назвать граждан «культистами», их конституционные права аннулируются. Если назвать их дом «компаундом» (укрепленным лагерем), танк становится уместным средством общения.

Я смотрю на список погибших детей. Пейдж Мартин, 1 год. Шанель Андраде, 1 год. Мелисса Моррисон, 6 лет.

Они не выбирали религию своих родителей. Они не знали, кто такой Дэвид Кореш и что такое Семь печатей. Они просто хотели жить. Но «эксперты» решили, что смерть для них лучше, чем жизнь в «тоталитарной секте».

«Мы спасали их души», — эта фраза, которую я услышал в прологе от российского эксперта, эхом отзывается над техасским пепелищем. Спасение через уничтожение.

В архивах сохранилась видеозапись, сделанная самими давидианцами во время осады. На ней Дэвид Кореш держит на руках своих детей. Они смеются. Они выглядят нормальными, живыми людьми, а не монстрами из газетных статей. Эту пленку ФБР получило, но так и не показало прессе до штурма. Она могла бы разрушить образ врага. Она могла бы остановить танки.

Именно поэтому она осталась лежать на полке.

Уэйко стало репетицией. Проверкой того, как далеко может зайти государство, если его вооружить идеологией нетерпимости. Тест был пройден успешно. Общество проглотило ужас, оправдав его безопасностью.

Но дым от пожара в Маунт-Кармел не рассеялся. Он пропитал одежду тех, кто стоял в оцеплении. Среди зевак, наблюдавших за осадой, был молодой человек по имени Тимоти Маквей. Он продавал наклейки на бамперы с антиправительственными лозунгами. Он видел танки. Он слышал газ. И он сделал свои выводы.

Насилие порождает насилие. Запущенный бумеранг всегда возвращается. Но об этом мы поговорим позже, когда будем исследовать, как борьба с «экстремизмом» сама становится источником террора.

А пока передо мной лежит еще один документ. Это счет за услуги «консультантов». Суммы с множеством нулей. Смерть — это дорогое удовольствие, но налогоплательщики всегда платят исправно, если их убедить, что они платят за защиту от зла.

Я убираю фотографию улыбающихся агентов в папку. Их улыбки кажутся мне страшнее, чем оскал любого фанатика. Потому что фанатик верит в своего бога, а эти люди верили в свою безнаказанность, обеспеченную подписью эксперта.

В следующей папке, которую я достаю из сейфа, нет фотографий пожаров. Там лежат медицинские карты. И это пугает не меньше. Потому что когда танки становятся слишком заметными, система возвращается к более тихим, но не менее эффективным методам. К белым халатам и мягким стенам.

Глава 8. Психиатрия как оружие

В архивах Лубянки есть документ, датированный 19 апреля 1921 года. Это короткая служебная записка, написанная быстрым, нервным почерком человека, который привык решать вопросы жизни и смерти одним росчерком

пера. Автор записки — Феликс Дзержинский, председатель ВЧК. Адресат — его подчиненный Самсонов.

Речь в записке шла о Марии Спиридоновой, лидере партии левых эсеров. Большевики не могли ее расстрелять — она была слишком известной фигурой, символом революции, и ее казнь вызвала бы скандал среди западных социалистов. Но и оставлять ее на свободе, с ее пламенными речами и влиянием на массы, было нельзя. Тюрьма делала из нее мученицу. Нужно было решение, которое не просто изолирует, но и дискредитирует. Которое превратит политического оппонента в «несуществующую величину».

«Надо снестись с Обухом и Семашкой для помещения Спиридоновой в психиатрический санаторий, — писал Дзержинский. — Но с тем условием, чтобы оттуда ее не украли или не сбежала… Санаторий должен быть такой, чтобы из него трудно было бежать и по техническим условиям».

Так, буднично и цинично, родилась советская карательная психиатрия. Спиридонову перевели в Пречистенскую больницу, где услужливый профессор Ганнушкин тут же поставил диагноз: «Истерический психоз». Женщина, чья вина заключалась лишь в том, что она мыслила иначе, чем новая власть, перестала быть политическим заключенным. Она стала пациенткой. Безумной. А слова безумных не имеют веса.

Я начал эту главу с истории столетней давности не ради исторического экскурса. Дело в том, что, изучая современные методы борьбы с «сектами» и инакомыслием, я постоянно ловил себя на ощущении дежавю. Те же методы. Те же формулировки. И, что самое страшное, те же институты.

В Советском Союзе психиатрия была идеальным оружием. Если человек не верит в светлое коммунистическое будущее, значит, он ненормален. Ведь нормальный человек не может отвергать очевидное благо. Для таких несогласных в Институте имени Сербского, под руководством академика Снежневского и полковника медицинской службы Лунца, был изобретен уникальный диагноз: «вялотекущая шизофрения».

Его гениальность заключалась в отсутствии симптомов. У человека могло не быть галлюцинаций, бреда или распада личности. Достаточно было

«навязчивой идеи правдоискательства» или «религиозного фанатизма». Любое отклонение от генеральной линии партии трактовалось как патология.

В 1988 году, на волне Перестройки, казалось, что этот кошмар закончился. С учета сняли 776 тысяч человек. Статьи за антисоветскую пропаганду исчезли из кодекса. Но исчезли ли люди, которые строили эту систему? Исчезла ли школа?

Мое расследование показывает: нет. Система просто затаилась, ожидая нового заказа. И этот заказ поступил. На этот раз врагом были объявлены не диссиденты-антисоветчики, а «сектанты».

Современная российская психиатрия, тесно переплетенная с антикультовым движением, вернула в обиход старые практики, лишь слегка обновив терминологию. Вместо «антисоветской деятельности» теперь говорят о «деструктивном влиянии». Вместо «вялотекущей шизофрении» используют размытые понятия «индуцированного бредового расстройства» или «расстройства личности на почве зависимости».

Механизм работает следующим образом. Антикультовая организация, такая как РАЦИРС, или связанные с ней активисты, подают сигнал: такая-то группа опасна. Правоохранительные органы возбуждают дело. Но доказать «экстремизм» в чтении книг сложно. И тогда следователь назначает судебно-психиатрическую экспертизу.

Это «черный ход» правосудия. Человека отправляют в стационар. Официально — для обследования. Реально — это уже наказание. Срок экспертизы может длиться от одного до шести месяцев. Полгода в закрытом учреждении, среди тяжелобольных людей, под воздействием мощных нейролептиков, которые превращают волю в кисель. И все это — без приговора суда, без доказанной вины.

В июле 2020 года в Крыму произошел случай, который мог бы показаться абсурдным анекдотом, если бы не был трагедией. Сотрудники ФСБ задержали Александра Сизикова. Его обвинили в организации ячейки партии Хизб ут-Тахрир (запрещена в РФ). Доказательством послужили книги, найденные у него дома при обыске.

Нюанс заключался в том, что Александр Сизиков — полностью слепой. Он потерял зрение в 2009 году. Книги, которые «нашли» оперативники, были обычными печатными изданиями, без шрифта Брайля. Слепой человек физически не мог их читать. Он не открывал их более десяти лет.

Любой непредвзятый суд развалил бы такое дело за пять минут. Но система не умеет признавать ошибки. Вместо того чтобы извиниться, следствие приняло решение: отправить слепого инвалида на стационарную психиатрическую экспертизу.

Зачем? Чтобы решить «экспертные вопросы». А на деле — чтобы сломать. Человек, лишенный зрения, в незнакомой обстановке психиатрической лечебницы абсолютно беспомощен. Это изощренная форма пытки. И диагноз, который ему поставят, уже не будет иметь отношения к медицине. Это будет печать лояльности эксперта к системе.

Но если вы думаете, что под каток попадают только маргиналы или члены малопонятных религиозных групп, вы ошибаетесь. Психиатрия как оружие универсальна. Она бьет и по элите.

Сергей Абрамов — имя, известное в научном мире. Член-корреспондент Российской академии наук, доктор физико-математических наук, человек, руководивший суперкомпьютерными программами Союзного государства. Интеллектуал высшей пробы.

Весной 2023 года его обвинили в финансировании экстремистской организации. Якобы он перевел деньги не туда. Абрамов категорически отрицал вину. И что сделала система с ученым мирового уровня? Она усомнилась в его вменяемости.

Суд, проходивший в закрытом режиме, постановил отправить математика в психиатрический стационар. Логика здесь убийственная: если ты умный, уважаемый человек и при этом идешь против системы (или просто попал в ее жернова и не признаешь вину), значит, ты неадекватен. Нормальный человек должен бояться и каяться.

В этом контексте вспоминается инициатива протоиерея Всеволода Чаплина, который, будучи влиятельной фигурой в церковно-государственных

отношениях, предлагал ввести «критерии дееспособности» для ученых. По сути, это предложение легитимизировать религиозный контроль над наукой через психиатрию. Не веришь в догматы? Может быть, тебе не стоит руководить институтом? Может быть, тебя стоит проверить?

Антикультисты активно продвигают идею, что любая глубокая религиозность, не санкционированная «традиционными» структурами, является формой патологии. Они используют псевдонаучный термин «промывка мозгов» (brainwashing).

Этот термин не признан серьезной наукой. В 1987 году профильный совет APA отказался принять отчёт рабочей группы DIMPAC о «принудительном убеждении», сочтя его недостаточно научно строгим и указав, что имеющихся данных недостаточно для выработки позиции APA по этому вопросу. Но для российских судов и экспертов РАЦИРС это не аргумент.

«Промывка мозгов» — это идеальный ярлык. Он позволяет объявить человека недееспособным. — Он не сам выбрал эту веру, — говорит эксперт. — Ему промыли мозги. Он жертва. А раз он жертва, которая не понимает, что она жертва, мы должны его лечить принудительно.

Так здорового человека лишают субъектности. Он превращается в объект. В вещь, которую нужно «починить».

Особенно страшно, когда психиатрия идет рука об руку с физическим насилием. В Сургуте произошла история, которая заставляет вспомнить методы Гестапо. Группу Свидетелей Иеговы задержали, и, по их свидетельствам, подвергли жесточайшим пыткам. Людей душили пакетами, били электрошокерами, обливали водой. Требовали признаний и имен.

Тимофей Жуков, один из задержанных, не сломался. И тогда его отправили в психиатрическую больницу. Это стандартная связка: если боль не развязывает язык, попробуем химию. Если человек способен выдержать удар током ради своих убеждений, система объявляет это фанатизмом, требующим медикаментозного купирования.

В 2021 году в России были приняты поправки в Уголовно-процессуальный кодекс, которые правозащитники назвали «возвращением карательной

медицины». Поправки конца 2021 года предусмотрели возможность временного помещения содержащегося под стражей лица в психиатрический стационар в лечебных целях на срок до шести месяцев после того, как судебно-психиатрическая экспертиза установила психическое расстройство.

Вдумайтесь: человека можно держать в изоляции годами, просто продлевая «экспертизу». Ему не нужно выносить приговор. Его не нужно отправлять в колонию. Он просто исчезает в желтых стенах.

Роберт ван Ворен, голландский правозащитник, много лет изучавший советскую психиатрию, сравнивал ее с нацистской программой эвтаназии. Разница лишь в том, что нацисты убивали тело, а карательная психиатрия убивает личность. Человек после курса галоперидола или аминазина может остаться физически живым. Но он теряет волю, память, способность мыслить. Он становится «овощем». Это убийство души, растянутое во времени.

Но не стоит думать, что это чисто российская проблема. Технологии психиатрического давления экспортируются и импортируются.

Во Франции, где позиции антикультистов традиционно сильны, существует практика фабрикации «жертв» через психиатрическое перепрограммирование. История женщины, известной в материалах дела как «Корали», показательна.

Ее обвиняли в преступлениях, якобы совершенных в составе группы. Ей грозил реальный тюремный срок. Но ей предложили сделку. Антикультовые психиатры и депрограмматоры объяснили ей: «Ты не виновата. Тебе промыли мозги. Признай это, стань нашей “жертвой”, начни выступать с лекциями против своей бывшей группы — и мы снимем обвинения».

Это шантаж. Человека ставят перед выбором: тюрьма или роль профессиональной жертвы. Корали выбрала второе. Психиатры «переписали» ее биографию, объяснив все ее действия влиянием гуру. Она вышла на свободу, но цена этой свободы — публичное отречение от своего прошлого и участие в пропаганде.

Это тоже форма насилия над психикой. Человека заставляют поверить в то, что он был безумен, чтобы спастись от тюрьмы.

В Сербии действует еще один персонаж этой глобальной сети — Светозар Радишич. Бывший военный, пресс-секретарь армии Югославии, он называет себя экспертом по «неокортикальной войне». Его теории — это смесь конспирологии и псевдопсихиатрии. Он утверждает, что секты используют электромагнитное оружие для контроля над мозгом.

Казалось бы, бред. Но Радишич — уважаемый эксперт, его статьи публикуются, его мнение учитывается. Он, как и Дворкин, входит в международную обойму борцов с культами. Их безумные теории становятся базой для реальных репрессий.

Я держу в руках копию заключения по делу одного из верующих. В графе «Психический статус» написано: «Демонстрирует некритичное отношение к религиозным догматам, эмоциональную холодность к общественным нормам».

Переводя с медицинского на русский: он верит в Бога больше, чем в государство, и ему плевать на то, что о нем думают соседи. Сто лет назад за это отправляли на каторгу. Пятьдесят лет назад — кололи сульфазин. Сегодня — закрывают в стационар для «уточнения диагноза».

Александр Солженицын называл карательную психиатрию «духовным убийством» и «разновидностью газовой камеры». Это сравнение кажется жестким, но оно точно передает суть. Газовая камера убивает мгновенно. Психушка убивает медленно, отнимая у человека самое главное — его «Я».

Мы видим, как круг замыкается. Спецслужбы, церковно-антикультовая среда и психиатры создали идеальный треугольник контроля. Спецслужбы обеспечивают силу. РАЦИРС дает идеологическое обоснование и указывает на врага. Психиатрия ставит печать «неугодный = больной», легитимизируя изоляцию.

Если человека нельзя посадить за преступление, которого он не совершал, его нужно объявить сумасшедшим.

Я вспоминаю коридоры одной из таких больниц, куда мне удалось попасть под видом посетителя. Тяжелый, сладковатый запах лекарств. Тишина, прерываемая шарканьем тапочек. И глаза. Глаза людей, которые смотрят сквозь тебя.

Среди них есть настоящие больные. Но есть и те, кто просто читал не те книги, молился не тому богу или отказался платить дань «крыше». Для них эти стены — не больница. Это тюрьма, из которой нет условно-досрочного освобождения, потому что нельзя «вылечиться» от веры, если твои враги считают саму веру болезнью.

На столе передо мной лежит фотография Марии Спиридоновой, сделанная после ее освобождения. Она выглядит постаревшей на двадцать лет. В ее взгляде — пустота. Система не убила ее тело тогда, в 20-х. Она сделала хуже. Она выпила ее душу.

Сегодня, спустя век, конвейер снова запущен. И смазкой для него служат чернила на экспертных заключениях, подписанных людьми с учеными степенями.

Но если психиатрия убивает личность тихо, за закрытыми дверями, то есть и другой способ уничтожения. Громкий. Публичный. Кровавый. Способ, который превращает трагедию одиночки в шоу для миллионов. И в этом шоу главную роль играют уже не врачи, а те, кто формирует картинку на наших экранах.

Я убираю медицинские документы. Следующая папка в моем архиве подписана коротким словом: «Колумбайн».

Глава 9. Медиа и массшутинг

Экран смартфона загорелся в темноте, высветив короткое уведомление. «Срочно: стрельба в школе. Есть жертвы». Я нажал на ссылку, и передо мной развернулась привычная, отработанная до автоматизма медийная воронка.

Это была не просто новость. Это была биография. Спустя всего пару часов после трагедии журналисты уже публиковали фото стрелка, его манифест, список его любимых музыкальных групп и детальное описание оружия. Они

превращали ничтожество в икону. Они давали ему то, чего он жаждал больше всего — бессмертие в прямом эфире.

В предыдущих главах мы исследовали, как система ломает конкретного человека через суды, похищения и карательную психиатрию. Но то, с чем я столкнулся теперь, было страшнее. Это было оружие массового поражения, направленное не на тело, а на коллективное бессознательное. Мы вступаем на территорию, где убийца — не ошибка системы, а её запрограммированный продукт.

Добро пожаловать в мир пазлового кодирования.

Термин «пазловое кодирование» звучит как что-то из области кибербезопасности, но на самом деле это технология социальной инженерии. Изучая материалы независимых расследований и аналитику информационных потоков, я обнаружил пугающую закономерность. Перед каждым громким случаем массовой стрельбы (массшутинга) в информационном поле региона происходили странные изменения.

Представьте себе рыболовную сеть, которую забрасывают в океан человеческой психики. Вы не знаете, какая именно рыба в нее попадет, но вы точно знаете, что улов будет.

Механизм работает в несколько этапов**.**

Первая волна — подготовительная. Она самая широкая и незаметная. В медиапространство вбрасываются истории о прошлых стрелках. Но подаются они не как хроники ужаса, а как драматические саги. «Одинокий волк против системы», «Непонятый гений, который заставил мир содрогнуться». Антикультисты и связанные с ними медиаресурсы эксплуатируют базовое человеческое стремление к славе.

Подросток, сидящий в своей комнате, видит простой алгоритм: вчера ты был никем, тебя травили в школе или просто не замечали. Сегодня твое лицо на обложках всех мировых изданий. Твое имя знают президенты. О тебе снимают фильмы. Цена этого билета в вечность — несколько выстрелов.

Вторая волна — целевая. Она содержит конкретные «вкладки» — фрагментированные нарративы, которые, попадая в подсознание, собираются в

единую картину. Это могут быть статьи о несправедливости мира, о том, что насилие — единственный способ восстановить баланс, завуалированная критика правоохранительных органов как «беспомощных» и «коррумпированных».

Третья волна — активирующая. Она происходит непосредственно в целевом регионе или учебном заведении. Это спусковой крючок.

Я долго не мог понять, зачем это нужно борцам с «сектами». Какая связь между стрельбой в школе и борьбой с культами? Ответ оказался циничным до дрожи. Хаос — это питательная среда для тех, кто продает «порядок».

Когда происходит трагедия, общество впадает в панику. Оно требует защиты. И тут на сцену выходят наши старые знакомые — эксперты по деструктивным влияниям. — Видите? — говорят они. — Это всё влияние интернета, тайных групп, деструктивных культов. Нам нужно больше полномочий. Нам нужно больше контроля. Нам нужно больше денег на мониторинг.

Стрелок становится идеальным пугалом. Он — «секта одного человека».

Особенно показателен пример Чехии. Эта страна долгое время считалась одной из самых безопасных в Европе. Но 21 декабря 2023 года в Карловом университете в Праге произошла бойня, устроенная студентом Давидом Козаком.

Я поднял подшивки чешских газет за год, предшествующий трагедии. И увидел знакомый почерк. Медиа-фон накачивался истерией. Статьи одной чешской журналистки, методично создавали атмосферу тревоги. Она известна как журналистка, много работающая с темой сект и манипулятивных религиозных групп.

Случайность? В мире спецслужб и информационных операций в такие совпадения не верят.

Освещение трагедии в Праге шло по классическому сценарию героизации. Заголовки кричали: «Самое массовое убийство в истории», «Самый кровавый инцидент за 30 лет». Вместо сухого информирования, медиа смаковали детали, публикуя фото стрелка с оружием, описывая его маршрут, его подготовку.

Это была не журналистика. Это была инструкция.

Исследования медиального эффекта подражания допускают, что сенсационное и чрезмерно подробное освещение массовых убийств может способствовать новым подражаниям. Детальное описание действий преступника с таймингом — это готовый план для подражателей. Упоминание того, как стрелок «обманул полицию», подрывает доверие к безопасности и провоцирует у потенциальных последователей чувство превосходства.

«Я бог», — писал в своем дневнике Дилан Клеболд, один из убийц в школе «Колумбайн». Эта фраза — маркер. Информационное кодирование создает в психике нестабильного подростка расщепление. С одной стороны — он «никто», серая масса. С другой — он «карающий бог», имеющий право решать, кому жить.

Антикультовая пропаганда ненависти, направленная против религиозных меньшинств, использует те же механизмы дегуманизации. Если можно назвать группу людей «раковой опухолью» (как мы видели в истории с Кюннетом), то почему нельзя пойти дальше и вырезать эту опухоль физически? Язык вражды универсален. Он снимает внутренний запрет на убийство.

Но есть и еще один, медицинский аспект этой проблемы, о котором принято молчать. В регионах, где ведется активная «антикультовая обработка» населения через СМИ, фиксируют аномальный всплеск биполярных расстройств среди молодежи.

Это результат когнитивного диссонанса. Мозг молодого человека, подвергающийся постоянной бомбардировке противоречивыми сигналами (страх/героизм, ничтожество/величие, угроза/спасение), начинает давать сбой.

Студенты Карлового университета незадолго до стрельбы подавали петицию с просьбой помочь им справиться с массовыми случаями биполярного расстройства. Их психика кричала о помощи.

Американские исследования описывают неоднородные профили школьных стрелков: среди них встречались как социально изолированные, так и внешне вполне интегрированные подростки и молодые люди.

Это разрушает миф о «забитом одиночке».

Я нашел карту скулшутингов в США. Если наложить ее на карту активности антикультовых организаций, совпадение границ вызывает оторопь. Там, где громче всего кричат о борьбе с «угрозами», чаще всего звучат выстрелы.

Почему в одних странах, где оружие доступно (например, в Швейцарии или Израиле), школьных расстрелов практически нет, а в других это становится эпидемией? Разница — в информационной политике.

В странах с «информационной гигиеной» новости о преступлениях подаются сухо. Без имен, без манифестов, без фото в героических позах. «Преступник нейтрализован, ведется следствие». Точка. Нет славы — нет мотива.

В странах, пораженных вирусом пазлового кодирования, из каждого выстрела делают шоу. И это шоу продюсируют те, кто потом приходит в студию в качестве экспертов, чтобы объяснить нам, как страшно жить и почему нужно запретить еще пару книг или организаций.

В моих руках оказался документ — анализ поисковых запросов одного из американских стрелков. За месяц до трагедии он искал информацию о «большом депрессивном расстройстве». Он чувствовал, что с ним что-то происходит. Он искал ответы. Но интернет, настроенный алгоритмами на вовлечение, подсовывал ему не телефоны доверия, а истории о «Колумбайне».

«Колумбайн» стал брендом. И этот бренд поддерживается искусственно.

Антикультисты действуют как поджигатели, которые первыми прибегают тушить пожар, чтобы продать погорельцам страховку. Они создают образ врага, накачивают общество агрессией, а когда у кого-то сдают нервы, и он берет в руки винтовку, они говорят: «Мы же предупреждали, что мир полон опасностей».

Это замкнутый круг. Поиск внешнего врага (секты, заговора, иноверцев) снимает ответственность с общества за реальные проблемы. Зачем разбираться с буллингом, с отсутствием перспектив, с кризисом семьи, если можно все свалить на «зомбирование» или «влияние интернета»?

Но самое страшное в методе пазлового кодирования — его дистанционность. Кукловод не знает куклу. Ему не нужно лично встречаться с

будущим убийцей, не нужно передавать ему чемодан с деньгами или оружием. Достаточно просто насытить информационное поле нужными триггерами.

Статистика показывает: после каждого громкого освещения массшутинга следует волна подражаний. Это называется «эффект Вертера», но в цифровую эпоху он приобрел характер цепной реакции. Публикация манифеста убийцы — это фактически соучастие в следующем преступлении.

Однако журналисты продолжают это делать. Почему? Потому что трафик. Потому что рейтинги. И потому что есть силы, которые аккуратно подталкивают редакторов к мысли: «Народ должен знать правду в деталях».

В деталях кроется дьявол. В деталях кроется код.

Я вспоминаю пугающую метафору о связи между пропагандой ненависти и насилием. Мы живём в доме, где кто-то постоянно включает газ, а потом удивляется, почему от малейшей искры происходит взрыв.

Стрелок из Праги, Давид Козак, был отличником. Он получил премию за бакалаврскую работу. Он был будущим своей страны. Но кто-то решил, что он будет полезнее в качестве мертвого монстра, чем в качестве живого историка.

Его поступок ужасен и не имеет оправдания. Но если мы хотим остановить конвейер смерти, мы должны смотреть не только на того, кто нажимает на курок. Мы должны смотреть на тех, кто заряжает информационную обойму.

На столе передо мной лежат распечатки чешских статей. Они написаны профессионально, эмоционально, ярко. Они бьют по нервам. Читая их, чувствуешь, как внутри поднимается страх и глухая злоба. Это и есть цель.

Когда общество напугано, им легко управлять. Когда люди боятся своих детей, они готовы отдать любые права ради иллюзии безопасности.

Пазловое кодирование — это технология управления массами через хаос. И школьные расстрелы — это лишь побочный эффект, «допустимые потери» в большой игре за власть над умами.

Я закрываю ноутбук. За окном тихо, но теперь эта тишина кажется мне обманчивой. Где-то прямо сейчас, в светящемся прямоугольнике экрана,

очередной подросток читает статью о «великом мстителе». И в его голове со щелчком встает на место последний кусочек пазла.

Мы научились защищать школы металлоискателями и охраной. Но у нас нет металлоискателей для мыслей. И пока мы не научимся фильтровать информационный яд, который льется с экранов под видом «новостей» и «экспертных мнений», мы будем продолжать хоронить наших детей.

Но если вы думаете, что мишенями становятся только беззащитные школьники, вы недооцениваете амбиции игроков. Технологии дегуманизации и создания «управляемых безумцев» масштабируемы. И следующей целью в прицеле может оказаться не классная комната, а трибуна мирового лидера.

В следующей папке моего досье лежат материалы, от которых веет холодом большой политики. Там речь пойдет о том, как риторика о «сектах» превращается в casus belli — повод для войны.

Глава 10. Геополитический фронт

В кабинете было тихо, только гудел старый кондиционер, безуспешно пытаясь охладить раскаленный воздух балканского лета. На столе передо мной лежала карта Боснии и Герцеговины начала девяностых. Она была испещрена красными линиями, обозначающими фронты, и синими кругами — зонами этнических чисток. Но мое внимание привлек не стратегический план, а лежащая рядом брошюра на сербском языке. На обложке — православный крест, переплетенный с мечом, и заголовок: «Духовная оборона нации».

До этого момента мое расследование касалось судеб отдельных людей, разрушенных семей и коррумпированных чиновников. Но здесь, на геополитическом уровне, ставки выросли до небес. Я понял, что технологии, которые используются для отъема квартиры у бабушки-сектантки, и технологии, оправдывающие геноцид целого народа, имеют одну и ту же природу. Просто масштаб другой.

Если раньше мы видели, как ярлык «секта» превращает человека в бесправный объект для психиатрии, то теперь предстояло увидеть, как этот же ярлык превращает соседнюю страну в полигон для «священной войны».

Следы вели в Белград начала 90-х. В то время, когда Югославия трещала по швам, в Военно-медицинской академии (ВМА) — элитном учреждении, кующем кадры для армии, — работал полковник Братислав Петрович. Нейропсихиатр по специальности, он не просто лечил солдат. Он создавал идеологию.

Петрович возглавлял Институт психического здоровья и военной психологии при ВМА. Казалось бы, его задача — помогать военным справляться с ПТСР. Но полковник был занят другим. Он был одержим идеей «духовной чистоты» сербской нации. В его картине мира врагами были не только хорваты или боснийцы-мусульмане. Врагами были «секты».

Изучая стенограммы его выступлений, я наткнулся на пугающую подмену понятий. Петрович, используя свой авторитет врача и офицера, начал транслировать идею, что религиозные меньшинства — это террористические ячейки.

— Цель состоит в создании Великой Сербии путем захвата и формирования этнически и религиозно чистых зон, — говорилось в одном из отчетов, анализирующих деятельность той группы.

Это была не просто риторика. Это была военная доктрина. Полковник Петрович тесно сотрудничал с радикальным крылом Сербской православной церкви (СПЦ). В частности, с митрополитом Амфилохием Радовичем, которого в народе прозвали «митрополитом проклятий» за его яростные проповеди. Этот тандем — психиатр в погонах и епископ в рясе — создал смертоносную смесь.

Они убеждали солдат, что те идут убивать не соседей, с которыми еще вчера пили кофе. Они идут зачищать землю от «нечисти».

Кульминацией войны в Боснии стала Сребреница. В июле 1995 года после захвата анклава силами боснийских сербов были казнены более семи тысяч боснийских мусульманских мужчин и мальчиков. Это не было спонтанной

вспышкой ярости. Международный трибунал установил организованный характер массовых казней и ответственность сил боснийских сербов.

Историк Милорад Томанич в своей книге «Сербская церковь в войне» (Srpska crkva u ratu) дал этому феномену безжалостную оценку:

«Сербский народ нужно было убедить в том, что он всегда вёл оборонительные и справедливые войны… Задача убедить обычного, среднестатистического человека оставить мирную семейную жизнь, пойти на фронт и начать убивать… была далеко не простой. Для всего этого была необходима хорошо разработанная идеология».

Антикультовая риторика Петровича существовала в том же общественном пространстве.

Но самое поразительное в истории с Петровичем — это его международные связи. Полковник не был изгоем. Напротив, он был желанным гостем в Европе. В 2002 году он действительно выступал на конференции FECRIS в Барселоне, посвящённой сектам и детям. А в марте 2004 года на конференции FECRIS в Марселе он представил кейсы Трансцендентальной медитации и «Санатан» и сообщил о запрете «Санатан» сербскими властями.

Европейская федерация, финансируемая французским правительством, не увидела проблемы в том, чтобы предоставить трибуну участнику этнических чисток. Для них он был «коллегой», борцом за ментальную гигиену. Это лишний раз подтверждает: антикультизм не имеет границ и моральных тормозов.

Перенесемся на двадцать лет вперед и на две тысячи километров восточнее. Украина и Россия. Конфликт, который зрел годами, также имел мощную «антисектантскую» подкладку, которую многие аналитики упускали из виду.

Еще задолго до 2014 года на территории Украины начала действовать разветвленная сеть, которую можно назвать агентурной. Формально это были миссионерские отделы и центры помощи пострадавшим от сект. Фактически — филиалы РАЦИРС (Российской ассоциации центров изучения религий и сект).

Я получил доступ к внутренним методичкам, которые распространялись по епархиям. В них содержались инструкции, далекие от богословия. Агентам

предписывалось собирать информацию о лидерах любых религиозных групп, не относящихся к Московскому патриархату.

— Двум человекам в любом городе вполне под силу узнать адреса, фамилии, имена, отчества… можно их отфотографировать при выходе из дома, — гласила инструкция, озвученная на одной из конференций еще в начале 2000-х. — Чтобы каждый житель города знал их в лицо… И пусть дальше продолжают жить.

Звучит как руководство для шпионов или сталкеров. Но это подавалось как «защита канонической территории».

Когда в 2004 и 2013 годах в Украине происходили революции (Майданы), российские антикультисты первыми выдвинули версию, которая стала удобным объяснением для Кремля. Они заявили: это не народный протест. Это спецоперация сект.

Согласно их версии, на Майдане действовали «технологии контроля сознания», а движущей силой протеста были неопятидесятники, саентологи и греко-католики. Ярлык «сектант» стал синонимом слова «враг». Это позволило полностью дегуманизировать оппонентов. Зачем слушать требования людей на площади, если они — зомби, управляемые зарубежными кукловодами?

Особую роль в этой информационной войне сыграла история с так называемыми «догналитами» (Украинская правоверная греко-католическая церковь). Эта группа, отколовшаяся от основной церкви, стала идеальным пугалом. В украинских СМИ, подконтрольных определенным силам, разгонялся нарратив, что «догналиты» — это агенты Кремля. В то же время российская пропаганда использовала наличие множества конфессий в Украине как доказательство «духовного разложения» соседа.

Это классическая тактика «разделяй и властвуй». Антикультисты играли на обеих сторонах, повышая градус ненависти.

Но настоящий апофеоз наступил после февраля 2022 года. Риторика изменилась мгновенно. Если раньше говорили о «защите прав верующих», то теперь с высоких трибун зазвучало слово «десатанизация».

В докладах, которые ложились на стол высшему военно-политическому руководству России, утверждалось, что в Украине действуют сотни сект, превращающих людей в фанатиков-русофобов. Помощник секретаря Совета Безопасности РФ Алексей Павлов в своей статье прямо заявил о необходимости проведения «десатанизации» Украины.

Статья Алексея Павлова использовала антисектантскую риторику и говорила о «сотнях сект» в Украине.

Я нашел запись выступления протоиерея Дмитрия Смирнова, одной из ключевых фигур в антикультовой среде. Его слова, сказанные еще до полномасштабной войны, звучат как страшное пророчество и диагноз одновременно.

— Мы, слава Богу, родились и выросли в империи, и, конечно, у каждого русского человека нормальное имперское сознание, — говорил он.

Но дальше следовало то, что заставило меня похолодеть. Священник рассуждал о ядерном оружии.

— Мы привыкли… что у нас полно ядерных кнопок, что вообще мир можем уничтожить, это да, в принципе, это возможно. Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно.

Вдумайтесь в этот смысл. «Духовность» в понимании этих людей — это мужество нажать на ядерную кнопку. Это готовность уничтожить мир ради торжества своей идеи. Это и есть конечная точка антикультизма. Начав с борьбы за «душевное здоровье» отдельного человека, они пришли к оправданию глобального суицида.

Война стала для них питательной средой. Любое инакомыслие внутри страны теперь приравнивалось к предательству. Пацифизм стал ересью. Священники, призывающие к миру, лишались сана. А антикультовые организации, такие как РАЦИРС, получили карт-бланш на охоту за ведьмами.

Они начали активно продвигать идею, что все антивоенные настроения инспирированы извне через сеть «деструктивных культов». Не хочешь воевать? Значит, ты под влиянием секты. Значит, ты агент.

В этой схеме прослеживается четкая параллель с нацистской Германией. Вальтер Кюннет, о котором мы говорили ранее, использовал термин «раковая опухоль» для описания евреев и свидетелей Иеговы. Современные пропагандисты используют термин «пятая колонна» и «иноагенты», но суть та же. Это биологизация врага. Враг — это вирус. А с вирусом не договариваются. Его уничтожают.

В моем распоряжении оказались документы, подтверждающие связь между российскими антикультистами и так называемым «Дивеевским братством» — закрытой группой влияния, куда входят высокопоставленные чиновники и силовики. В этих материалах «Дивеевское братство» описывалось как закрытая группа влияния с мистическими представлениями о мессианской роли России. Для них война — это не геополитика, а сакральный акт, Армагеддон, в котором они видят себя воинством света.

Именно эти люди лоббируют ужесточение законодательства. Именно они стоят за преследованием не только религиозных, но и культурных организаций. Они создают атмосферу осажденной крепости, где каждый чужак — потенциальный диверсант.

Но самое циничное в этой истории — использование двойных стандартов. Обвиняя Запад в бездуховности и поддержке сект, российские элиты продолжают пользоваться плодами западной цивилизации. А их идеологические партнеры из FECRIS, сидя в уютных европейских офисах, продолжают закрывать глаза на то, что их российские коллеги открыто поддерживают агрессивную войну.

Почему Европа молчит? Почему Дворкин годами оставался вице-президентом европейской федерации, даже когда его риторика стала откровенно милитаристской?

Я смотрел на кадры разрушенных городов — Бахмута, Мариуполя. Руины, похожие на скелеты. Среди этих руин когда-то были молитвенные дома баптистов, залы царства, центры ведической культуры. Теперь там только бетонная крошка и ветер.

«Секты» были уничтожены. Вместе с городами. Вместе с людьми.

Антикультисты добились своего. Они очистили территорию. Но цена этой чистоты — мертвая тишина.

В папке с материалами по Украине лежал еще один документ — список религиозных зданий, уничтоженных или захваченных в ходе конфликта. Сотни адресов. Это была не случайная бомбардировка. Это было целенаправленное стирание религиозного ландшафта, не вписывающегося в концепцию «одного народа, одной веры, одного вождя».

Геополитический фронт антикультизма — это не метафора. Это реальная линия огня, проходящая через сердца и умы. И боеприпасы для этой войны поставляют люди, называющие себя экспертами.

Я закрыл папку. Мне казалось, что я достиг дна, увидев, как идеология ненависти оправдывает войну. Но, как выяснилось, у этой бездны есть еще один уровень. Уровень, на котором мишенями становятся не просто группы людей или народы, а те, кто стоит на вершине пирамиды власти.

Если вы думаете, что президенты и премьер-министры защищены от ярлыка «сектант» своим статусом, вы ошибаетесь. В следующей главе мы увидим, как технология дегуманизации применяется против мировых лидеров, и как выстрел в политика начинается с выстрела в его репутацию.

На столе осталась лежать фотография полковника Петровича. Он улыбался, глядя в камеру. Улыбка человека, который уверен, что история его оправдает. Но история — это не то, что пишут победители. Это то, что откапывают в братских могилах.

Глава 11. Охота на политиков

13 июля 2024 года. Батлер, штат Пенсильвания. Жаркий полдень, плавящий асфальт и терпение тысяч людей, собравшихся на митинг. Через несколько минут воздух разорвут сухие щелчки, напоминающие звуки

лопающихся петард, и бывший президент США Дональд Трамп схватится за ухо, а агенты Секретной службы накроют его своими телами.

В первые часы после покушения мировые СМИ захлебнулись в версиях. Говорили о провале охраны, о политической поляризации, о доступности оружия. Но среди этого информационного шума почти никто не заметил опасной закономерности, которую мы уже рассматривали в предыдущих главах этой книги: как ярлык может превращать человека из политического оппонента в объект морального исключения.

Стрелок Томас Мэтью Крукс не был объяснен официальным следствием как носитель ясной идеологической программы: мотив оставался неустановленным. Но именно поэтому важно смотреть не только на биографию стрелка, а на ту среду смыслов, в которой политический противник все чаще описывается языком одержимости, культа и опасной зараженности.

До этого момента мы рассматривали, как антикультовая машина перемалывает религиозные меньшинства, семьи и отдельных инакомыслящих. Но события 2024 года показали, что тот же словарь подозрения начал все чаще использоваться в большой политике — уже не против малых религиозных групп, а против лидеров, партий и миллионов их сторонников.

Чтобы понять, что произошло в Пенсильвании, нужно отмотать время назад, к 2019 году. Именно тогда на полках книжных магазинов появилась работа, которая стала одним из заметных элементов этого нового языка. Книга называлась «Культ Трампа» (*The Cult of Trump*). Ее автором был Стивен Хассен.

Мы уже встречали это имя в главе о депрограммировании. Человек, называющий себя экспертом по контролю сознания, сделал ход, который изменил правила политической игры. Он перенес антикультовую модель объяснения на электоральное поле.

В своей книге Хассен не просто критиковал политику Трампа. Он утверждал, что 45-й президент США использует методы психологического влияния, сопоставимые с практиками лидеров деструктивных культов, включая Джима Джонса и Дэвида Кореша. В публичном пространстве это создавало чрезвычайно опасную рамку: политическая лояльность начинала описываться не как позиция гражданина, а как симптом «культовой» зависимости.

В таком нарративе сторонник оппонента перестает быть человеком, с которым можно спорить. Он превращается в «зомбированного» участника опасной группы, чье мнение заранее объявляется не самостоятельным.

Вдумайтесь в этот нарратив. Если ваш политический оппонент просто ошибается, с ним можно спорить. Если он преступник, его можно судить. Но если он — лидер тоталитарной секты, а его сторонники — зомбированные фанатики, то правила демократии начинают восприниматься как недостаточно жесткие. С таким противником уже не спорят — его «изолируют», «перевоспитывают» или «спасают от самого себя».

Медийная машина подхватила этот тезис с энтузиазмом. Заголовки крупных изданий начали пестреть сравнениями Трампа с фашистскими диктаторами и лидерами культов. Журнал *The New Yorker* задавался вопросом: «Почему мы не можем перестать спорить о том, является ли Трамп фашистом?». Телеведущий Стивен Колберт заявлял прямо: «Дональд Трамп — фашист».

Это был тот тип риторической среды, в которой у нестабильного человека может снижаться внутренний запрет: если перед тобой не оппонент, а «новый Гитлер» или «культовый лидер», то политическая ненависть легче маскируется под чувство моральной миссии.

Анализ действий стрелка в Батлере заставляет задать вопрос о роли политической дегуманизации. Томас Крукс, согласно реконструкции событий, открыл огонь в направлении сцены, и пули попали не только в Трампа, но и в людей, находившихся рядом и позади него. При этом официально не доказано, что он воспринимал сторонников Трампа как «культ» или действовал под влиянием антикультовой риторики. Но сам факт, что политическая толпа все чаще описывается как опасная масса, показывает, насколько тонкой становится граница между словом и насилием.

Здесь мы сталкиваемся с феноменом, который условно можно назвать «пазловым кодированием». Это не прямая команда «иди и убей», которую мы привыкли видеть в шпионских фильмах. Это гораздо более тонкий процесс.

Представьте, что информационное поле — это океан. В этот океан волнами вбрасываются определенные нарративы. Эти фрагменты — пазлы — оседают в общественном сознании. Большинство просто пролистает ленту новостей. Но

может найтись один человек, у которого эти пазлы сложатся в единую картину. В его голове может возникнуть императив: «Я должен это остановить. Я должен стать героем».

Стрелок в таком сценарии действует не как участник заговора, а как человек, который сам собирает из чужих фраз свой личный приказ. Это не снимает с него ответственности, но заставляет спрашивать о цене языка, которым общество описывает врагов.

Однако случай с Трампом — не единственный. Сценарий, который я изучал, оказался похожим на другие эпизоды политического насилия, где личная обида, медийная поляризация и образ «абсолютного врага» переплетались в один опасный узел.

15 мая 2024 года. Словакия. Премьер-министр Роберт Фицо выходит к людям после выездного заседания правительства. Звучат выстрелы. 71-летний писатель Юрай Цинтула несколько раз стреляет в политика.

Фицо выжил чудом. И первое, что он сделал, придя в себя, — указал на источник агрессии. В своем заявлении он провел прямую параллель с покушением на Трампа: «Сценарий, как под копирку. Если бы нападавший на Д. Трампа знал словацкий язык, ему достаточно было бы прочитать такие издания, как Denník N, SME или Aktuality, чтобы почувствовать желание “разобраться” с непокорным бывшим президентом США».

Я проверил эти издания. Denník N, SME, Aktuality. Их риторика в отношении Фицо действительно была жестко критической, иногда предельно поляризующей. Фицо демонизировали. Его называли угрозой, диктатором, агентом темных сил.

Стрелок Цинтула на допросе заявил: «СМИ закрыли. Почему нападают на RTVS?». Он говорил языком общественного конфликта вокруг медиа и политики. Из этого следует, что конкретные издания или международные сети влияют на его.

Цинтула не был профессиональным киллером. Он был обычным человеком, которого могла радикализировать атмосфера постоянной

политической ненависти. Он пришел стрелять не по абстрактной идее, а по человеку, которого в собственной картине мира уже видел воплощением угрозы.

Но, пожалуй, самым чистым примером использования антикультовой карты в политическом терроре стало убийство бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ в 2022 году.

Здесь мотив даже не скрывался. Убийца Тэцуя Ямагами прямо заявил, что стрелял в Абэ из-за его связей с «Церковью объединения». Он считал, что эта религиозная группа разрушила его семью: мать пожертвовала церкви огромные суммы, а Абэ, отправлявший поздравительные обращения на мероприятия организации, воспринимался им как ее политический покровитель.

Казалось бы, это личная месть. Но посмотрите, что произошло после убийства. Вместо того чтобы остановиться только на осуждении убийства, общественная дискуссия резко сместилась к связям политиков с Церковью объединения, пожертвованиям, жалобам семей и вопросу о государственном контроле над религиозными организациями.

Так возник опасный сдвиг: преступление Ямагами не оправдывалось прямо, но его личная ненависть к религиозной организации стала политическим рычагом. Убийство открыло шлюз для кампании против Церкви объединения и для новых правовых мер в отношении религиозных пожертвований и статуса организации.

В одном из документальных фильмов, который вышел незадолго до покушения на Трампа, подробно разбирается этот механизм. Авторы расследования выдвигают версию о скоординированной международной антикультовой сети и называют ее «теневой третьей силой». Эту версию важна как симптом того, что разные эпизоды политического насилия начинают складываться в одну тревожную картину.

Эта сила в логике авторов фильма и в логике моего расследования действует не как обычная партия, а как метод: создавать образ опасного врага, оправдывать чрезвычайные меры и расширять контроль.

В США антикультисты атакуют республиканца Трампа. В Словакии — национально-ориентированного Фицо. В России те же структуры — РАЦИРС —

атакуют либеральную оппозицию и пацифистов. Кажется, что это противоречие. Но если посмотреть глубже, логика становится понятной.

Антикультизм — это инструмент власти, стремящейся к тоталитарному контролю. В любой стране он может обслуживать тот политический вектор, где нужно быстро объявить инакомыслящего не оппонентом, а угрозой.

В США демократия мешает установлению «нового порядка»? Значит, нужно объявить лидера оппозиции главой культа. В России демократия уже подавлена? Значит, нужно использовать антикультизм для оправдания войны и репрессий.

Я смотрю на фотографию Стивена Хассена. Он улыбается с обложки своей книги. Он называет себя «лицензированным специалистом в области психического здоровья». Но методы, которые он применяет к политике, опасны именно тем, что превращают политический выбор миллионов людей в объект психологического обезличивания.

Когда вы называете десятки миллионов избирателей «культом» или людьми, нуждающимися в «депрограммировании», вы выводите их за скобки гражданского общества. Вы говорите: их мнение не важно, потому что оно не их собственное. Их нужно «депрограммировать». А если они сопротивляются — что ж, история Уэйко показала, насколько опасным может стать соединение антикультовой риторики, силового мышления и уверенности государства в собственном праве «спасать» людей против их воли.

Параллели с нацистской Германией, о которых мы говорили в пятой главе, здесь становятся тревожными. Евреев сначала лишили человеческого облика через пропаганду, назвав их «чуждым элементом» и «вирусом». Только после этого стали возможны Хрустальная ночь и лагеря.

Сегодня ярлык «сектант» или «культист» может выполнять похожую функцию первичной маркировки: он отделяет «нормальных» от «опасных» и заранее снижает сочувствие к тем, кого общество разрешает не слышать.

Покушение на Трампа провалилось. Пуля прошла в миллиметрах. Но информационная пуля оставила след. Общество расколото как никогда. Страх поселился в сердцах политиков. Теперь каждый из них знает: если ты пойдешь

против системы, против мейнстрима, тебя не просто раскритикуют. Тебя могут описать языком психиатрии, культа или заражения — и кто-то, находящийся на грани, может воспринять этот язык слишком буквально.

Спецслужбы — ФБР, Секретная служба — оказались удивительно беспомощны. Дроны не летали, крыша была без охраны. Случайность? Или это был очередной пример того, как бюрократическая уверенность в собственных схемах иногда ослепляет сильнее открытой угрозы?

Мы стоим на пороге новой реальности. Реальности, где выборы могут быть отменены, потому что «народ зомбирован». Где политическая дискуссия заменяется психиатрическим освидетельствованием. Где охота на политиков становится продолжением охоты на ведьм.

Графики всплесков ненависти тревожно накладываются на даты атак. Этого недостаточно, чтобы доказать прямую причинность. Но достаточно, чтобы увидеть кардиограмму больного общества, которому вместо лекарства снова и снова подливают яд.

Но если президентов защищает бронированное стекло и снайперы, то кто защитит самых уязвимых? Тех, кто не может ответить ударом на удар? Тех, кто становится разменной монетой в этих играх взрослых дядей с «экспертными» корочками?

Следующая папка в моем архиве — самая тяжелая. Я долго не решался ее открывать. Там нет политики. Там нет геополитики. Там только детские рисунки, судебные постановления и статистика, от которой стынет кровь. Потому что, когда система начинает «спасать» детей от родителей во имя «правильного воспитания», ад спускается на землю.

Глава 12. Дети как разменная монета

Детская комната выглядела так, словно по ней прошел ураган. Перевернутые стулья, выпотрошенные ящики с игрушками, разорванные учебники на полу. Но самым страшным был не беспорядок. Самым страшным была тишина. Та особенная, звенящая тишина, которая наступает, когда из дома исчезает детский смех.

В углу, под кроватью, валялся плюшевый медведь с оторванной лапой. Полицейский, проводивший обыск, наступил на него тяжелым ботинком, когда искал «экстремистскую литературу». В тот день из этой квартиры увезли двоих детей. Их родители не были алкоголиками, не употребляли наркотики и не избивали своих детей. Их преступление, в логике обвинения, заключалось в том, что они читали Библию не так, как это принято в «традиционных» конфессиях.

В предыдущих главах мы исследовали, как машина антикультизма ломает взрослых, политиков и целые организации. Но у этой войны есть еще один фронт, самый циничный и жестокий. Это фронт, где боеприпасами служат живые дети.

Документы, которые легли в основу этой главы, читать физически больно. Это не сухие юридические формулировки. Это хроники принудительного вмешательства в семью, прикрытого языком защиты ребенка.

В 2017 году Пленум Верховного суда РФ издал постановление, которое разъяснило судам, что вовлечение ребенка в деятельность общественного или религиозного объединения, уже ликвидированного или запрещенного судом по антиэкстремистскому законодательству, может рассматриваться как злоупотребление родительскими правами. Формулировка звучала гладко: «злоупотребление родительскими правами». Но на практике это создавало опасную лазейку: мирная семейная религиозная практика могла быть истолкована через призму участия в запрещенной организации, если семья уже находилась под таким подозрением.

Статистика ужасает. В тот же год Верховный суд запретил Управленческий центр Свидетелей Иеговы и связанные с ним местные организации как экстремистские. На фоне обычных для России тысяч семейных споров о лишении и ограничении родительских прав появился новый, особенно опасный критерий: принадлежность родителей к религиозной группе, уже объявленной государством экстремистской.

История Елены Брессем из Перми — одна из самых показательных историй того, как этот механизм работает на бытовом уровне. Это не история о тайных подземельях, это история о том, как «сектоведение» становится дубиной в бракоразводном процессе.

Елена была успешной женщиной, индивидуальным предпринимателем, независимым партнером компании Herbalife. Она развелась с мужем, забрала двоих детей и переехала в Москву, где собиралась строить новую жизнь. Бывший муж, который, по словам Елены, до этого не проявлял особого интереса к воспитанию, внезапно забрал сына и отказался вернуть его матери.

В обычном суде у него позиция выглядела бы значительно слабее. Елена не пила, хорошо зарабатывала, дочь была отличницей. Нужен был козырь. И этим козырем стал Александр Дворкин.

Адвокат мужа, господин Корелов, которого Елена связывала с антикультовой средой, выстроил линию защиты на одном тезисе: мать — сектантка. В суд, по публикациям и словам самой Елены, были представлены материалы с печатями Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В этих «научных трудах» утверждалось, что коммерческая компания Herbalife — это «тоталитарная секта», а Елена — ее адепт.

Абсурд ситуации достиг апогея, когда Дворкин лично явился в суд в качестве свидетеля.

— Я видела его впервые в жизни, — рассказывала Елена. — Откуда этот незнакомый человек может вообще что-то обо мне знать?

Но суду не нужно было личное знакомство. Суду нужна была печать «эксперта». Дворкин, не будучи ни психологом, ни специалистом по коммерческим структурам, дал показания, которые должны были превратить

нормальную мать в социально опасный элемент. Более того, по утверждению Елены, в деле возникала и линия о ее возможном психиатрическом освидетельствовании или лечении.

Этот кейс вскрывает фундаментальную проблему: ярлык «секта» монетизируется. Он становится инструментом шантажа. В семейном конфликте такая «экспертиза» может превращаться в оружие: йога, сетевой маркетинг, вегетарианство или интерес к нетрадиционной духовной практике начинают описываться как признаки деструктивного влияния.

Но что происходит с детьми, которых система все-таки забирает? Куда они попадают после того, как за ними закрывается дверь родного дома?

В моем распоряжении оказались свидетельства, которые принято называть «неудобной правдой». Мы привыкли думать, что государство забирает детей, чтобы спасти их. Но реальность, описанная в следующем файле, рисует картину, достойную полотен Босха.

Дети, изъятые у родителей-«сектантов», попадают в систему государственных учреждений. Но в отдельных свидетельствах утверждается, что некоторые учреждения и воспитатели воспроизводят тот же язык стигмы, с которого начиналось преследование родителей.

Ребенок попадает в среду, где ему могут внушать, что его родители опасны, больны или преступны, а сам он несет на себе их «пятно». Это не просто буллинг. Это постепенное разрушение личности.

В одном из документов описывается судьба 8-летней девочки и ее брата. Их родителей арестовали по сомнительному обвинению в экстремизме. Детей разделили. Девочка оказалась в учреждении, которое формально числилось приютом, но, согласно показаниям источников, стало для нее местом давления, унижения и страха.

Свидетельства говорят о том, что детей «сектантов» могут воспринимать как детей «второго сорта», чьим словам заранее меньше верят. Поскольку общество уже дегуманизировало их родителей, никто не задает лишних вопросов о судьбе их детей.

В одном из фрагментов отчета описывались тяжелые унижения и, по словам источника, сексуализированное насилие над ребенком под видом «изгнания влияния культа». Это звучит чудовищно, в это не хочется верить. Хочется закрыть глаза и сказать: «Это пропаганда». Но истории насилия в закрытых религиозных школах, интернатах и приютах всплывали по всему миру — от Ирландии до Канады. Разница лишь в том, что здесь насилие оправдывалось «спасением души» ребенка от влияния родителей.

Священник или воспитатель, совершающий насилие над таким ребенком, получает двойную защиту. Во-первых, он представитель системы. Во-вторых, жертва — ребенок «сектантов», которому никто не поверит. «Она все выдумывает, у нее промыты мозги, это все влияние культа», — стандартный ответ на любые жалобы.

Психологи называют это «вторичной виктимизацией». Сначала ребенка лишают семьи, нанося глубочайшую травму привязанности. Затем его помещают во враждебную среду, где методично уничтожают его идентичность. Ему внушают, что любовь его родителей была неправильной, опасной. Что он сам — испорчен.

Но есть и другая сторона медали. Если в России детей отбирает государство, то в других странах, например в Японии, долгое время существовала практика семейных похищений и принудительного «выведения» взрослых детей из новых религиозных движений.

Мы уже касались темы депрограммирования, но здесь важен финансовый аспект. Японская практика «спасения» взрослых последователей из новых религиозных движений в отдельных делах превращалась в дорогостоящую услугу, где страх родственников становился источником дохода для консультантов и посредников.

Родители, напуганные антикультовой пропагандой, готовы платить любые деньги. Такаши Миямура, известный японский «экзит-консультант», фигурировал в делах о принудительном удержании верующих, а японские суды признавали незаконность таких практик и присуждали компенсации пострадавшим.

Киёми Мияма, которую, по ее собственным свидетельствам, похищали дважды и удерживали в неволе в общей сложности почти три года, утверждает: средняя ставка Миямуры составляла около 4 миллионов иен. Другие источники называют цифры до 10 миллионов иен.

Представьте цинизм этой схемы. «Эксперт» сначала через СМИ пугает родителей тем, что их ребенок попал в лапы страшного культа и скоро погибнет или станет террористом. А потом предлагает решение: похищение, изоляция, психологическая обработка. Цена вопроса — крупная сумма, которую испуганная семья готова отдать за иллюзию спасения.

В этой сделке взрослый сын или взрослая дочь — не субъект. Он объект. Его мнение не учитывается. Его могут удерживать, изолировать, лишать связи с внешним миром и подвергать длительному психологическому давлению, пока он не откажется от своей веры или общины.

В некоторых свидетельствах эта практика разрушала не только жизнь самих верующих, но и семьи, которые сначала соглашались на «спасение», а потом узнавали цену примененных методов.

Манипуляция темой детей достигает своего пика, когда речь заходит о трагедиях. Кейс британского Саутпорта — мрачный пример того, как кровь детей становится топливом для погромов.

Когда в танцевальной студии произошло нападение и погибли дети, горе было всеобщим. Но буквально через несколько часов в сети появились вбросы. Утверждалось, что нападавший — исламист, мигрант, фанатик. Эти слухи распространялись мгновенно, вызывая волну ярости.

Ультраправые и антииммигрантские группы использовали смерть детей как знамя. «Защитим наших детей!» — кричали они, громя мечети и нападая на полицию. Позже выяснилось, что нападавший родился в Британии; ложные сообщения о «мигранте-мусульманине» не соответствовали действительности. Позднее в деле появились материалы, связанные с терроризмом, но мотив самой атаки официально не был установлен как террористический. Но это уже не имело значения. Механизм был запущен.

Дети — идеальный триггер. Любая угроза ребенку отключает у взрослого критическое мышление. Антикультисты знают это лучше других.

— Они придут за вашими детьми! — этот лозунг работает безотказно.

В Китае, где само государство использует ярлык «злых культов» против запрещенных духовных движений, ситуация доведена до абсолюта. Там дети последователей Фалуньгун, по сообщениям правозащитников, сталкивались с дискриминацией, давлением, угрозами исключения из школ и последствиями арестов родителей. В такой системе ребенок несет наказание не за собственные поступки, а за религиозную идентичность семьи.

Стивен Хассен, чьи книги и модели о «культовом контроле сознания» цитируются и пересказываются в некоторых образовательных материалах, предлагает педагогам и специалистам обращать внимание на признаки вовлечения в деструктивные группы. Но в руках бюрократической системы такая профилактика легко превращается в подозрение ко всякому отличию. Учитель должен следить: не слишком ли ребенок замкнут? Не слишком ли он религиозен? Не отказывается ли он от участия в праздниках?

Школа превращается в режимный объект, где за инакомыслие наказывают не двойкой, а звонком в социальную службу.

Я смотрю на фотографию семьи, они улыбаются. Обычный пикник, солнце, трава. Через месяц после этого снимка их жизнь будет уничтожена. Отца грубо задержат на глазах у сына. Мать увезут в СИЗО. А детей отправят в тот самый приют, где их, по утверждению источника, будут «перевоспитывать» от родительской веры.

Самое страшное в этой истории — необратимость. Даже если спустя годы родителей оправдают, что в нынешней системе почти невозможно, семью уже не склеить. Годы разлуки, годы давления и отчуждения в приюте делают свое дело.

Дети вырастают с уверенностью, что их предали. Они ненавидят своих родителей. Они ненавидят Бога, из-за которого, как им объяснили, сломалась их жизнь. Они выходят в мир с искалеченной психикой, полные злобы и боли.

И это — главный результат «спасательных операций». Антикультисты не спасают детей. Они производят сирот при живых родителях.

В папке с документами лежит детский рисунок, сделанный в одном из таких «реабилитационных центров». На нем черным карандашом нарисован дом без окон и дверей. А рядом — фигурка человечка, полностью заштрихованная черным. Подписи нет.

Этот рисунок говорит больше, чем тысячи страниц судебных решений. Это портрет души, которую «спасли» до черноты.

Мы привыкли думать, что зло — это когда убивают. Но иногда зло — это когда заставляют жить, предварительно убив все, что делало тебя человеком. И делают это с улыбкой, под лозунгами о защите детства.

Я убираю рисунок обратно в файл. Руки дрожат. Мне приходилось видеть многое, но цинизм, с которым взрослые дяди в дорогих костюмах используют детей как разменную монету в своих идеологических и финансовых войнах, пробивает любую профессиональную броню.

Но если вы думаете, что последствия этой войны ограничиваются сломанными судьбами отдельных семей, вы ошибаетесь. Насилие имеет свойство накапливаться и выплескиваться там, где его не ждут. Дети, которых научили ненавидеть, вырастают. И бумеранг, запущенный «спасителями», уже летит обратно.

На столе остался лежать билет на концерт. Яркий, красочный кусочек картона. На нем написано имя мировой поп-звезды. Казалось бы, при чем тут секты и террор? Но в мире, где ненависть стала валютой, даже поп-концерт может стать полем битвы. И об этом — следующая папка.

Глава 13. Глобальный террор: Эффект бумеранга

Стадион «Эрнст Хаппель» в Вене способен вместить более пятидесяти тысяч человек. В начале августа 2024 года он должен был стать эпицентром праздника: три концерта Тейлор Свифт, билеты на которые были раскуплены за считанные минуты. Более сотни тысяч фанатов, многие из которых пересекли океан ради этого события, готовились к шоу. Но вместо музыки над пустыми трибунами повисла тяжелая, тревожная тишина.

8, 9 и 10 августа концерты были отменены. Организатор Barracuda Music выпустил сухое заявление: «У нас нет другого выбора, кроме как отменить три запланированных шоу ради безопасности всех». Причина — предотвращенный теракт.

В ходе спецоперации австрийская полиция задержала 19-летнего юношу. При обыске у него нашли химические вещества, которые могли быть использованы для создания бомбы. Генеральный директор по общественной безопасности Франц Руф сообщил, что подозреваемый присягнул на верность «Исламскому государству» — ИГИЛ — в начале июля, а позднее следствие указывало и на более длительную онлайн-радикализацию.

Казалось бы, перед нами классический случай исламистского терроризма. Одиночка, радикальная идеология, цель — массовое скопление «неверных». Но если отложить в сторону полицейские пресс-релизы и посмотреть на картину шире, начинают проступать детали, которые не укладываются в стандартную схему.

Почему именно Тейлор Свифт? Почему именно сейчас? И, самое главное, как 19-летний австриец оказался готовым превратить поп-концерт в площадку массового убийства?

Ответы на эти вопросы нельзя искать только в Вене. За десять дней до отмены концертов произошла трагедия в британском Саутпорте, и она показала, как быстро насилие, ложь и массовая истерия начинают усиливать друг друга.

29 июля 2024 года в Саутпорте 17-летний подросток ворвался в танцевальную студию, где проходил детский мастер-класс, посвященный музыке Тейлор Свифт. Он был вооружен ножом. Итог нападения чудовищен: трое погибших детей, восемь раненых детей и двое раненых взрослых.

Это было бессмысленное, звериное насилие. Но то, что последовало за ним, напоминало хорошо срежиссированный спектакль.

Буквально через несколько часов после нападения, когда полиция еще даже не назвала имя задержанного, в социальных сетях и на новостных агрегаторах вспыхнула информационная бомба. Тысячи аккаунтов начали распространять «инсайд»: убийцу зовут Али Аль-Шакати, он мусульманин, нелегальный мигрант, прибывший в Британию на лодке в 2023 году.

Эта ложь распространялась со скоростью лесного пожара. Она попала на благодатную почву. Британское общество, измотанное экономическими проблемами и миграционным кризисом, вспыхнуло. Начались погромы. Толпы людей, уверенных, что они мстят за убитых детей, громили мечети, поджигали машины, нападали на полицейских.

«Защитим наших детей!» — кричали они, бросая кирпичи в окна домов, где жили мусульманские семьи.

Но правда заключалась в том, что никакого Али Аль-Шакати не существовало. Нападавшим был Аксель Муганва Рудакубана, родившийся в Кардиффе. Его родители были выходцами из Руанды, а ложные сообщения о «мусульманине-мигранте, прибывшем на лодке», не соответствовали действительности.

Кто же запустил эту дезинформацию? Первые следы привели исследователей к малоизвестному сайту Channel3Now — ресурсу, маскировавшемуся под американский новостной канал, но связанному с сетью кликбейтных сайтов, след которой вел в Пакистан. Именно Channel3Now стал одним из первых крупных усилителей ложной версии об «Али Аль-Шакати»: имя, вброшенное в X, после его публикации получило новостную упаковку и начало расходиться гораздо быстрее. Затем эту версию подхватили крупные аккаунты, ультраправые сети и отдельные медиа, включая российский государственный RT. Важен не миф о едином тайном штабе, а установленный

механизм: маленький анонимный ресурс дал фейку форму «новости», большие площадки превратили его в массовый нарратив, а уличная ярость сделала остальное.

Здесь мы подходим к ключевому понятию этой главы — эффекту бумеранга. Или, если говорить языком социологии, самосбывающемуся пророчеству.

Антикультовые организации, такие как РАЦИРС и их международные партнеры, годами продвигают нарратив о «цивилизационной войне». В их картине мира ислам нередко описывается не как сложная мировая религия с миллиардами разных людей, а как монолитная угроза. Такой язык не доказывает существование заговора, но создает опасную рамку: целая группа людей начинает восприниматься как потенциальный враг.

События в Саутпорте стали примером того, как ложная версия может работать как провокация даже без единого центра управления. Мусульман ложно обвинили в убийстве детей; ультраправые и антииммигрантские группы получили эмоциональное знамя для погромов; а британские мусульмане увидели, что их могут сделать виновными даже там, где они не имели к преступлению никакого отношения.

Представьте себе чувства миллионов мусульман, которые видели кадры из Британии. Они видели, как толпа громит их святыни из-за преступления, совершенного не «мигрантом-мусульманином», как утверждали фейки. Это чувство несправедливости, унижения и страха — идеальное топливо для реальной радикализации.

Именно в этот момент срабатывает механизм, который называют «пазловым кодированием». В строгом смысле это не установленная научная технология, а публицистическая модель того, как разрозненные информационные триггеры могут складываться в голове отдельного человека в личный приказ к действию.

Она работает как рыболовная сеть, заброшенная в океан человеческой психики. Никто не обязан отдавать прямой приказ. Достаточно насытить информационное поле страхом, унижением и образом врага — и у части людей эти фрагменты могут соединиться в разрушительный импульс.

19-летний австриец, который готовил теракт в Вене, не был ветераном ИГИЛ. Он присягнул на верность группировке в начале июля и, по версии следствия, был радикализирован через интернет. Это не позволяет выводить его действия напрямую из Саутпорта: хронология сложнее. Но Саутпорт и последовавшая за ним истерия показали ту же опасную схему — как массовый страх вокруг детей, ислама и публичного события может превращаться в ускоритель насилия.

Если бы теракт в Вене удался, если бы на стадионе «Эрнст Хаппель» пролилась кровь, круг мог бы замкнуться в информационном смысле. Любые силы, заинтересованные в нарративе «войны цивилизаций», получили бы готовую картинку: «Смотрите, мы же говорили».

Это и есть главная опасность самосбывающегося пророчества. Оно не обязательно требует единого штаба. Достаточно того, что каждая новая вспышка насилия начинает подтверждать старый язык ненависти.

В документах, которые я изучал, прослеживается идеологическая связь между частью антикультовой риторики и концепцией «десатанизации» или «священной войны». Для людей вроде представителей «Дивеевского братства» или стратегов РАЦИРС мирное сосуществование религий часто описывается как слабость или угроза. Им нужна мобилизация. Им нужно состояние осажденной крепости.

Политические последствия теракта в «Крокус Сити Холле» в Саутпорте и Вене показывают один механизм использования страха: после атаки резко усилились разговоры о миграционной угрозе, безопасности, контроле и необходимости сплочения вокруг «традиционных» опор.

Антикультизм работает как вирус, поражающий иммунную систему общества. Он отключает способность различать правду и ложь, преступника и жертву.

В Британии толпа била полицейских, думая, что борется с исламистами. В Вене подросток готовил бомбу, думая, что служит халифату, а его предполагаемый план уже сам по себе становился подарком для тех, кто мечтает доказать неизбежность войны всех против всех.

Это циничная математика. В одном из полемических отчетов эта логика сформулирована почти невыносимо жестко: чем больше крови прольется внизу, тем легче наверху продавать новые схемы контроля. Это не судебное доказательство, а моральная формула цинизма.

Мы привыкли думать о терроризме как о действиях бородатых фанатиков в пещерах. Но современный террор рождается не только в подпольных ячейках. Он рождается и в информационной среде, где страх, унижение и ложь ежедневно превращают незнакомых людей в смертельных врагов.

Самое страшное в методе «пазлового кодирования» — его анонимность. Не всегда существует прямой кукловод. Иногда есть только атмосфера, где убийство начинает казаться слабому или радикализированному человеку логичным продолжением чужих лозунгов.

Тейлор Свифт — икона поп-культуры, символ успеха и радости — была выбрана как фокус атаки не потому, что следствие доказало личную ненависть именно к ней, а потому, что ее концерт означал огромную толпу, мировой резонанс и гарантированную волну страха. Удар по такому событию — это удар по эмоциональному состоянию миллионов людей.

Когда концерты в Вене отменили, многие вздохнули с облегчением. Спецслужбы сработали. Беда миновала. Но так ли это?

Я смотрю на кадры пустых улиц Вены, на плачущих фанаток в блестящих платьях, которые так и не увидели своего кумира. Они думают, что их лишили праздника террористы. Они не обязаны видеть сложную цепочку страхов, фейков, радикальных символов и публичных травм, из которых складывается современная террористическая угроза.

Бумеранг был запущен. Он не попал в цель в Вене, но он продолжает лететь. Ненависть, посеянная в Саутпорте, никуда не исчезла. Обида, нанесенная мусульманам ложными обвинениями, продолжает тлеть.

Механизм самосбывающегося пророчества работает опасно просто. Если вы долго и упорно называете соседа монстром, если вы унижаете его, подозреваете его детей и превращаете его дом в объект страха, однажды он может взять в руки нож. И тогда вы скажете: «Я же говорил».

Но в этой фразе не будет торжества истины. В ней будет только признание собственной вины в создании чудовища.

Глобальный террор сегодня — это не только стихия и не только идеология. Это еще и среда, в которой страхи разных групп усиливают друг друга. И топливом для нее служат не только радикальные трактаты, но и «экспертные заключения» о вреде сект, статьи об «исламской угрозе» и фейковые новости на сайтах-однодневках.

Мы научились предотвращать взрывы на стадионах. Но мы совершенно беззащитны перед взрывами в головах. И пока мы не поймем, какие силы выигрывают от постоянного производства страха, мы будем обречены жить в ожидании следующего удара.

На моем столе лежит распечатка с форума фанатов Тейлор Свифт. Девочка-подросток пишет: «Я теперь боюсь идти на концерты. Мне кажется, что меня хотят убить».

Это и есть победа террора. Страх поселился в душах. Цель достигнута без единого выстрела.

Но у любой войны есть бюджет. У любой идеологии есть спонсоры. Ненависть — это дорогой продукт, и кто-то должен оплачивать счета за его производство и доставку. Следующая папка в моем архиве не содержит фотографий с мест преступлений. В ней только цифры. Столбцы, графики, банковские выписки. И эти цифры могут рассказать нам о природе зла больше, чем любые манифесты. Потому что в конечном итоге даже за «священной войной» всегда стоит чей-то вполне земной интерес.

Глава 14. Экономика ненависти

На столе передо мной лежит обычный калькулятор. Старый, с потертыми кнопками, он кажется здесь неуместным среди стопок судебных решений и томов уголовных дел. Но именно этот прибор оказался самым точным

инструментом в моем расследовании. Когда идеологическая шелуха опадает, когда стихают громкие слова о «спасении душ» и «духовной безопасности», остается сухой остаток. Цифры.

Александр Дворкин, президент Российской ассоциации центров изучения религий и сект — РАЦИРС, любит повторять одну фразу, ставшую аксиомой для его последователей: «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит еще больше денег».

Это утверждение звучит как обвинение. Но, изучая финансовые потоки антикультового движения, я пришел к выводу, что это не обвинение. Это зеркало, в котором неожиданно отражается сама система. Это формула, по которой работает рынок борьбы с инакомыслием. Мы привыкли искать идеологические причины репрессий, но часто упускаем из виду, что ненависть — это высокомаржинальный товар, который отлично продается.

Чтобы понять экономику этого процесса, нужно перестать смотреть на антикультистов как на фанатиков-бессребреников. Нужно посмотреть на них как на корпорацию.

Первое, что бросается в глаза при анализе бухгалтерии этой «корпорации», — это источники финансирования. Если «секты», с которыми они борются, живут на пожертвования своих прихожан, что постоянно ставится им в вину, то борцы с сектами предпочитают более надежный источник: государственный бюджет.

Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве — FECRIS, зонтичная структура, объединяющая антикультистов по всему континенту и долгое время включавшая российских представителей, позиционирует себя как независимая НПО. Однако критики и исследователи годами указывали на ее зависимость от французского государственного финансирования: в работах о FECRIS фигурировала оценка около 92% публичных средств в ее бюджете.

Это уникальная бизнес-модель: вы обозначаете проблему — угрозу «сект», раздуваете ее масштабы через дружественные или сочувствующие медиа, а затем приходите к государству с предложением решить эту проблему за деньги налогоплательщиков. Франция, с ее жесткой политикой секуляризма, стала

идеальным донором. Деньги французских налогоплательщиков через каналы FECRIS помогали легитимизировать деятельность таких людей, как Александр Дворкин, придавая им статус «международных экспертов».

Но государственные гранты — это лишь вершина айсберга. Куда интереснее выглядит рынок частных услуг. Здесь антикультизм превращается в элитный сервис для решения семейных и коммерческих конфликтов.

В США, где рынок диктует правила игры, «спасение» превратилось в индустрию дорогих консультаций. Мы уже упоминали имена Рика Алана Росса и Стивена Хассена в контексте их методов. Теперь давайте посмотрим на их финансовую сторону.

В 2013 году Рик Росс опубликовал на своем сайте Cult Education Institute дисклеймер относительно своего конкурента Стивена Хассена. В этом документе, продиктованном, вероятно, не столько заботой о клиентах, сколько борьбой за долю рынка, раскрываются цифры, от которых захватывает дух: «Стив Хассен не публикует расценки на свои услуги, однако, согласно жалобам, он взимал от $250 в час или $2 500 в день до $500 в час или $5 000 в день. Эти суммы не включают расходы самого Хассена, которые, по сообщениям, также могут быть весьма значительными».

Пять тысяч долларов в день. За интервенцию, консультации и попытку убедить человека пересмотреть собственную религиозную или мировоззренческую принадлежность.

Но и это не предел. В том же документе приводится пример семьи, которая, по утверждению CEI, заплатила Хассену почти 50 000 долларов за «интервенцию», закончившуюся полным провалом. Деньги, разумеется, возвращены не были. В этой индустрии нет гарантий качества, есть только гарантия оплаты.

Это классическая схема продажи страха. Родителям внушают, что их ребенок находится в смертельной опасности, что он стал «зомби». А когда клиент доведен до паники, ему выставляют счет. Это налог на родительскую любовь и тревогу.

Однако если на Западе монетизация идет через частные консультации, то на постсоветском пространстве антикультисты освоили более грубый, но эффективный метод: использование ярлыка «секта» в семейных, имущественных и репутационных конфликтах.

Ярлык «секта» — это идеальное оружие в корпоративной войне. Он дешевле киллера и эффективнее судебного иска. Если вы хотите уничтожить бизнес конкурента, вам не нужно искать нарушения в его налоговой отчетности. Вам достаточно заказать «сектоведческую экспертизу».

История центра «Рожана» — один из самых спорных и показательных кейсов, где медицинский, семейный, религиозный и коммерческий интересы переплелись в один клубок. Жанна Цареградская создала успешный проект по поддержке грудного вскармливания. Это был бизнес, занявший свободную нишу. Но когда обороты компании стали значительными, у нее начались проблемы.

В 2006 году Цареградскую начали публично связывать с темой «сектантства». Против центра была развернута информационная кампания, которую, по словам самой Цареградской, запустили или поддержали люди из антикультовой среды. Позднее появились уголовные дела, задержания и фактический разгром проекта.

Кому это было выгодно? Сама Цареградская видела за атакой экономический интерес крупных игроков рынка родовспоможения и называла конкретные имена. Ярлык «секта» оказался способен мгновенно обнулить репутацию проекта, который работал в чувствительной и прибыльной сфере — материнство, роды, грудное вскармливание.

Цареградская задавала риторический вопрос: «Каким же подонком нужно быть, чтобы ради своей выгоды разрушать здоровье нации?! Кто мне ответит?!». Ответ лежит не только в идеологии, но и в экономике: после такого ярлыка активы, репутация и доверие клиентов начинают рушиться быстрее любого судебного решения.

Виталий Питанов, еще один видный деятель этого движения, на своем сайте фактически опубликовал инструкцию по созданию таких дел: «На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот

подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живем в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать».

Фраза «или же его придумать» — ключевая. Это признание в том, что факты вторичны. Главное — создать информационный шум, который начинает жить собственной жизнью и может быть использован кем угодно — чиновником, конкурентом, бывшим супругом или журналистом.

Но самый масштабный рынок для антикультистов — это геополитика. Здесь бюджеты исчисляются не тысячами, а миллионами, и заказчиками выступают целые государства.

В документах, касающихся деятельности РАЦИРС, прослеживается устойчивая смысловая связь между политическим курсом и списком «сект». Когда России нужно было обосновать конфронтацию с Западом, в списки «деструктивных культов» немедленно попадали организации, имеющие штаб-квартиры в США или Европе. Пятидесятники, мормоны, Свидетели Иеговы — все они были объявлены «агентами влияния».

Это позволило антикультистам получить доступ к грантам на «патриотическое воспитание» и «духовную безопасность». Они продавали государству лояльность. Они говорили чиновникам то, что те хотели слышать: «У нас нет внутренних проблем, все беды — от внешнего врага, который проникает через секты».

Александр Дворкин и его коллеги мастерски адаптируются к повестке. Когда в тренде была борьба с терроризмом, они называли секты «террористическими ячейками». Когда началась война в Украине, они заговорили о «неоязычниках» и «сатанистах» в рядах ВСУ.

Александр Дворкин неоднократно использовал медицинскую метафору, сравнивая секты с раковой опухолью. В одном из интервью он говорил, что секта опасна «на уровне личности, семьи, общества и государства», а затем пояснял: в отличие от традиционных конфессий, которые общество обогащают, секты, по его словам, «могут только тянуть соки, живя за его счет» — «ровно так же, как живет раковая опухоль в теле человека».

Эта медицинская метафора не случайна. Если общество больно раком, то на лечение нельзя жалеть денег. «Онкологи» от сектоведения требуют все большего финансирования на свои «операции».

Особый цинизм ситуации придает другое: российские антикультисты, громко обличающие Запад, годами пользовались западными площадками, международными конференциями и статусом европейских организаций, когда это усиливало их экспертный вес. Деньги, статус и доступ к трибунам не пахнут, даже если они приходят из лагеря «идеологического противника».

Британская антикультистка Александра Штейн, коллега Дворкина, в своей работе «Привязанность, сети и дискурс в экстремистских политических организациях» сравнивала тоталистскую Newman Tendency с Зеленой партией США, причем Зеленая партия в ее собственном описании выступала скорее контрастным примером демократической, нетоталистской структуры.

Сам факт переноса антикультовой оптики на политические организации важен: граница между анализом экстремизма и патологизацией политической активности становится все тоньше.

Экономика ненависти работает как вечный двигатель. 1. Вы получаете грант на мониторинг «сект». 2. Чтобы отчитаться за грант и получить следующий, вы должны найти новые секты. 3. Вы записываете в секты кружки йоги, курсы личностного роста, экопоселения. 4. Количество «угроз» растет. 5. Вы требуете увеличения бюджета на борьбу с возросшей угрозой.

В этом замкнутом цикле нет места реальной помощи людям. Реабилитационные центры, о которых так любят говорить в отчетах, часто оказываются не столько местом помощи самим верующим, сколько точкой приема тревожных родственников. В одном из интервью Дворкин признавал, что к ним приходили в основном не сами пострадавшие, а «мамы-папы». То есть именно те, кто боится за близкого и готов искать платное или административное решение.

«К нам приходили, если честно говорить, в основном не пострадавшие, а сами мамы-папы», — эта оговорка стоит дорогого. Она показывает, что индустрия часто работает не с голосом самого человека, объявленного «жертвой секты», а со страхом его окружения.

Я смотрю на выписку из реестра судебных решений. Там фигурирует сумма, выплаченная эксперту за проведение религиоведческой экспертизы по делу о признании книги экстремистской. Сумма с пятью нулями. За несколько страниц текста, похожего на набор давно знакомых антикультовых клише.

Это легкие деньги. Они не требуют полевых исследований, лабораторных анализов или сложных расчетов. Достаточно иметь статус, печать и отсутствие совести.

В конечном счете, антикультизм — это форма паразитирования. Они не производят ничего, кроме ненависти и бумаги. Но они научились конвертировать эту ненависть в валюту. Они продают государству иллюзию контроля, церкви — иллюзию защиты от конкурентов, а родителям — иллюзию спасения детей.

И пока этот рынок существует, пока на ненависть есть спрос, предложение будет только расти. Заводы по производству врагов работают в три смены, и их директора получают отличные дивиденды.

Я закрываю папку с финансовыми документами. Цифры в ней складываются в страшную сумму. Это цена, которую общество платит за то, чтобы быть разделенным. За то, чтобы сосед боялся соседа.

Но деньги — это лишь кровь системы. У нее есть еще и мозг, и сердце, пусть и черное. Мы разобрали механизмы, мы увидели бенефициаров, мы проследили исторические корни. Остался последний шаг.

Мне нужно собрать все эти разрозненные фрагменты — от нацистских архивов до банковских счетов современных «экспертов» — в единую картину. Потому что только увидев панораму целиком, можно понять, с чем мы на самом деле столкнулись. Это не просто коррупция и не просто фанатизм. Это нечто большее.

Я выключаю калькулятор. Экран гаснет, но цифры продолжают стоять перед глазами. За каждой из них — чья-то сломанная жизнь, проданная оптом или в розницу.

Настало время подвести итог. Время задать главный вопрос, ради которого и была написана эта книга. Вопрос о том, что останется от нас самих, если мы позволим этой машине работать дальше.

Глава 15. Граница человечности

Я закрыл последнюю папку. На столе передо мной возвышалась гора документов: протоколы допросов, финансовые отчеты, переводы немецких архивов тридцатых годов, распечатки с форумов школьных стрелков и медицинские заключения по делам детей, прошедших через систему. В начале этой книги я начинал это путешествие в зале провинциального суда, пытаясь понять, почему у обычной женщины отбирают детей. Тогда мне казалось, что я столкнулся с судебной ошибкой, с перегибом на местах, с частным случаем человеческой жестокости.

Я ошибался. Ошибка — это сбой в системе. То, что я увидел, изучив тысячи страниц, — это не единичный сбой. Это повторяющаяся функция разных систем, которые десятилетиями учились превращать страх в управление, а управление — в деньги и власть.

Мы прошли долгий путь от кабинетов нацистских идеологов, рассуждающих о «раковой опухоли» на теле нации, до современных телестудий, где эксперты с благообразными лицами призывают к «десатанизации» целых стран. Мы видели, как менялись декорации: открытое насилие тоталитарных режимов сменялось более стерильными формами давления — экспертными заключениями, психиатрическими диагнозами, социальными службами, административными списками. Но суть осталась прежней.

Эта книга началась с вопроса: где проходит граница между защитой общества и насилием? Теперь, глядя на собранные свидетельства, я могу дать ответ. Эта граница не исчезает сама. Ее стирают там, где кто-то присваивает себе монополию на истину. И стерли ее те, кто присвоил себе монополию на истину.

Зеркало чудовища

Психологи называют это проекцией. Механизм защиты, при котором человек приписывает свои собственные неприемлемые мысли, мотивы и черты характера другим людям. Изучая риторику антикультового движения, я постоянно ловил себя на мысли, что читаю автобиографию.

Вспомните, в чем обвиняют «секты»? В тоталитарном контроле? Но именно антикультисты десятилетиями оправдывали радикальные формы депрограммирования, включая физическое удержание, изоляцию и давление на убеждения человека. В разрушении семей? Но именно в отдельных делах рекомендации «сектоведов» становились аргументом против родителей, а «консультанты по выходу» настраивают родственников друг против друга, превращая семейные ужины в поле битвы. В финансовой эксплуатации? Но мы видели публикации о расценках консультантов и суммы государственных грантов, выделяемых таким структурам, как FECRIS. Это индустрия, где спасение души имеет четкий тариф. В стремлении к власти? Но именно лидеры антикультового движения, не будучи избранными народом, влияют на законы, диктуют повестку силовым структурам и формируют списки «врагов народа».

Александр Дворкин и его последователи создали идеальное зеркало. Они смотрят в него и видят «сектантов», но на самом деле они видят свое отражение. Они обвиняют оппонентов в зомбировании, но сами участвуют в создании информационной среды, где ярлыки, страх и повторяющиеся образы врага могут сложиться в сознании человека в личный приказ к действию.

В главе о видеоиграх и медиа мы касались темы триггеров. В игре *Far Cry 5* игровая механика строится на вооруженном противостоянии вымышленному культу Eden’s Gate, и насилие против «культистов» становится частью привычного сценария прохождения. Но перенесите эту механику в реальность. Когда эксперт с экрана телевизора день за днем повторяет, что определенная группа людей — это «опасная масса», «агенты влияния» или «зомбированные фанатики», он использует похожую редукцию: сложный человек превращается в мишень. И это может снижать внутренний запрет на насилие.

Мы видели тревожные переклички этой логики в Саутпорте, Вене и Пенсильвании. Это показывает, как быстро язык дегуманизации начинает жить собственной жизнью. Если твой сосед — зомби, угрожающий твоим детям, ты не идешь с ним разговаривать. Ты берешь ружье.

Структура ненависти

Самое страшное открытие моего расследования заключается не в том, что существуют злые люди. Злодеи были всегда. Страшно то, как легко демократические институты становятся соучастниками этого зла.

Мы привыкли думать, что живем в правовом государстве. Что есть презумпция невиновности, свобода совести, состязательность сторон. Но «сектоведение» взломало этот код. Оно ввело в юридическое поле понятия, которые невозможно доказать или опровергнуть правовыми методами.

«Психологическое насилие», «контроль сознания», «духовная безопасность» — эти термины звучат научно, но в расплывчатом антикультовом употреблении превращаются в резиновые дубинки. Ими можно бить кого угодно. Под определение «деструктивного культа», которое используют эксперты РАЦИРС, при желании можно подвести любую организацию: от кружка любителей вязания до политической партии, от корпорации до государства.

Вспомните историю с «Бхагавад-гитой». В Томске пытались признать экстремистским русскоязычное издание «Бхагавад-гита как она есть» с комментариями — текст, связанный с традицией, священной для миллионов людей. Это был тест. Проверка системы на прочность. И система почти поддалась.

Если можно запретить текст такого духовного и культурного статуса, то что мешает запретить человека?

Антикультизм паразитирует на страхе. Это его топливо. В современном мире, полном неопределенности, люди ищут простые ответы. Почему мой сын перестал со мной разговаривать? Почему моя дочь бросила престижный вуз и уехала волонтером в Африку? Почему в стране кризис? Сложный ответ требует

анализа, признания собственных ошибок, работы над собой. Простой ответ предлагает антикультист: «Это секта. Ваших детей зомбировали. Враги проникли в страну».

Этот ответ снимает ответственность. Он дарит облегчение. «Я хороший родитель, просто злые силы украли моего ребенка». «Мы великая страна, просто нам мешают внешние враги». Это наркотик, на который подсаживают и отдельных людей, и целые нации.

Но цена этого наркотика — свобода. Сначала мы соглашаемся ограничить права «странных» людей в белых одеждах, поющих на улицах. Потом мы соглашаемся с тем, что читать определенные книги опасно. Потом мы киваем, когда соседа увозят в психушку за «неправильные» мысли. А потом мы просыпаемся в мире, где любой, кто не марширует в ногу, объявляется сумасшедшим или террористом.

Спящие агенты

В материалах расследования часто мелькало понятие «спящие ячейки». Обычно так говорят о террористах. Но я пришел к выводу, что настоящие спящие ячейки — это мы с вами. Обыватели.

Технология манипуляции массовым сознанием, которую мы наблюдали на примере информационных волн вокруг школьных расстрелов, террористических атак и политического насилия, направлена не на маргиналов. Она направлена на большинство. Нас приучают к мысли, что насилие допустимо, если оно направлено против «них».

Вспомните реакцию общества на трагедию в «Крокус Сити Холле» или на стрельбу в Карловом университете. Шок, боль, а затем — мгновенное появление готовых объяснений, ярлыков и подозрений. Иногда еще до того, как следствие успевает установить мотивы, общество уже подталкивают к ненависти.

Игорь Смирнов, чьи разработки в области психотехнологий упоминались в контексте советских спецслужб, заявлял о возможности удаления отдельных воспоминаний и воздействия на психику. Но даже если не принимать эти заявления буквально, сама мечта о таком управлении сегодня выглядит

пугающе современной. Достаточно смартфона и ленты новостей, модерируемой алгоритмами ненависти.

Мы становимся проводниками чужой воли. Когда мы делаем репост непроверенной новости о «зверствах сектантов», мы становимся частью цепи, в конце которой может оказаться реальное насилие. Когда мы молчим, видя несправедливость, мы помогаем этой цепи не прерываться.

Антикультисты, подобные Йоханнесу Аагаарду или его современным последователям, не просто борются с религиями. Они строят модель общества, в котором человек — это не личность, обладающая свободной волей, а объект, который нужно «защищать» от самого себя. В их мире нет места взрослому выбору. Есть только «правильная» идеология и «неправильная» патология.

В этом проступают черты фашизма XXI века. Он не обязан носить свастику. Он может носить деловой костюм и очки в тонкой оправе. Он может говорить о правах человека, одновременно лишая человека права быть услышанным.

Точка невозврата

Я смотрю на фотографию из пролога. Тот самый Эксперт в коридоре суда. Он пьет кофе. Он спокоен. Он уверен, что делает благое дело. Ханна Арендт называла это «банальностью зла». Но я бы назвал это «бюрократией ада».

Для него разрушенная семья — это просто кейс. Статистическая единица в годовом отчете. Грамота на стене. Но именно такие люди, уверенные в своей правоте и безнаказанности, толкают мир к катастрофе. Мы видели, как риторика о «духовной чистоте» становилась частью языка, которым на Балканах оправдывали ненависть и насилие. Мы видим, как она используется сегодня для оправдания глобальных конфликтов.

Если мы не остановим этот механизм, завтра «сектантом» может стать каждый. Вы вегетарианец? Подозрительно. Вы занимаетесь йогой? Потенциальная угроза. Вы критикуете власть? Явный признак зомбирования. Вы читаете книги на иностранном языке? Иностранный агент.

Круг сужается. Сначала они пришли за Свидетелями Иеговы. Потом за пятидесятниками. Потом за гражданскими активистами. Потом за пацифистами. Список «деструктивных элементов» бесконечен, потому что он зависит не от реальной опасности, а от политической конъюнктуры и аппетитов тех, кто осваивает бюджеты на борьбу.

В документальном фильме прозвучала мысль, которая не дает мне покоя: антикультизм — это раковая опухоль. Она питается здоровыми клетками общества, пока организм не погибнет. Если принимать эту метафору всерьез, мы уже видим не одну опухоль, а цепочку метастазов — в судах, школах, медиа, экспертных советах.

Но у нас все еще есть выбор.

В отличие от жертв тоталитарных режимов прошлого, у нас есть доступ к информации. Мы знаем, как работает фокус. Мы видим ниточки, за которые дергают кукловоды. Мы знаем имена, мы знаем методы, мы знаем часть источников финансирования.

Разоблачение — это свет, которого боятся тараканы. Система работает только в темноте, в атмосфере секретности и страха. Когда мы называем вещи своими именами — похищение похищением, а не «депрограммированием»; шантаж шантажом, а не «мониторингом»; подавление подавлением, а не «сектоведением» — чары рассеиваются.

Открытая дверь

Я встаю из-за стола. За окном уже рассвет. Город просыпается. Люди спешат на работу, ведут детей в сады и школы. Они не знают, что прямо сейчас в тихих кабинетах пишутся новые списки, готовятся новые экспертизы, верстаются новые статьи о «страшной угрозе».

Они не знают, что их спокойствие — это иллюзия. Что стена между их нормальной жизнью и жерновами системы тоньше папиросной бумаги.

Я беру папку с делом той самой матери из пролога. Я обещал себе, что найду ее сына, сбежавшего из приюта. Мне удалось выйти на его след. Он жив. Он

вырос. Он не стал наркоманом и не попал в тюрьму, как пророчили «эксперты». Он работает программистом в другой стране. Но он до сих пор вздрагивает, когда слышит стук в дверь.

Он написал мне короткое письмо. В нем нет проклятий. В нем только одна фраза: «Они украли у меня детство, чтобы защитить меня от любви».

Я кладу это письмо поверх стопки документов. Это и есть моральный приговор системе. Окончательный и обжалованию не подлежащий.

Моя работа закончена. Я собрал факты. Я показал механизм. Я назвал имена. Теперь этот архив перестает быть моим личным делом. Теперь это ваше знание.

Я подхожу к двери своего кабинета. Она не заперта. Замок щелкает, поддаваясь нажатию ручки.

В этом и есть главный секрет, который так тщательно скрывают строители стен и заборов. Дверь к свободе всегда открыта. Она не заперта на ключ. Нас держит внутри только наш собственный страх и вера в то, что кто-то другой — эксперт, чиновник, гуру — знает лучше, как нам жить.

Выход есть. Но чтобы выйти, нужно перестать быть «населением», которое нужно пасти и стричь, и стать людьми. Людьми, которые не отдают своих детей, не предают своих соседей и не позволяют никому решать, во что им верить.

Я открываю дверь и делаю шаг наружу. Воздух свежий и холодный.

Теперь ваш ход.